

МИРЫ Г. Л. ОЛДИ

ГЕНРИ ЛАЙОН
ОЛДИ

URBI ET ORBI,
ИЛИ
ГОРОДУ И МИРУ

Книга вторая
КОРОЛЕВА ОЙКУМЕНИ

КОСМИЧЕСКАЯ СЮИТА

НОВИНКА!

Ойкумена

Генри Олди

Королева Ойкумены

«Автор»

2010

Олди Г. Л.

Королева Ойкумены / Г. Л. Олди — «Автор»,
2010 — (Ойкумена)

Регина ван Фрассен – о подарок судьбы! – родилась телепатом. В двадцать один год она познакомилась с войной, любовью и предательством. В двадцать пять спасла гуся из кувшина, химеру от голодной смерти и себя – от изгнания из Храма № 3. В тридцать с небольшим ее настиг корабль-призрак, научив хоронить пациентов. Да, космический мир Ойкумены ценит своих менталов, как редчайшее сокровище, но и термосиловая броня не оградит тебя от ледяных поцелуев реальности. Танцуй на холмах, женщина с флейтой! Молодость закончилась, и надо идти дальше – в зрелость, полную очередных сюрпризов. Вторая книга нового романа Г.Л.Олди вновь открывает нам галактические просторы Ойкумены, уже известные читателю по приключениям Лючано Борготты, директора театра «Вертеп».

© Олди Г. Л., 2010

© Автор, 2010

Содержание

Пролог	5
Часть четвертая	9
Глава первая	9
I	9
II	10
III	13
IV	17
V	18
VI	20
Глава вторая	23
I	23
II	25
III	27
IV	30
V	31
VI	34
Глава третья	39
I	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Генри Лайон Олди Королева Ойкумены

Анна-Мария ван Фрассен, мэтресса ценольбологии – кстати, мать одной из моих студенток – в своих работах изучает ограничения, как главный фактор счастья. Я не знаю, что это за наука – ценольбология. Кроме ларгитасцев, никто не в состоянии разобрататься в их своде наук – технесфетика, терпногнозия, или, да простят меня души предков, хрематология... Но мэтресса кое в чем права. Ограничивая себя, мы провоцируем и выход за границы. Моего друга Кэндзабуро Танидзаки, гения вибротики, однажды спросили: как он достиг такого мастерства? Кэндзабуро сказал: «Если я не играл один день, это чувствуют мои пальцы. Если я не играл два дня, это почувствует моя жена. Если же я не играл три дня – это почувствуют все слушатели. Я не могу позволить себе оскорбить небрежением собственные пальцы, не говоря уже о жене и вас, сидящих в зале...»

Если мы, телепаты, дадим уступку своим ограничениям на один день – этого не почувствует никто, кроме нас самих. Если же мы «распустим узлы» на два дня – это скажется на наших близких. Три дня – и нас уничтожат. Кто? Не обязательно разгневанные люди.

Возможно, природа.

Тераучи Оэ, «Шорох в листве»

Пролог

Мечи, подумал Теодор ван Фрассен.

Гиганты-двуручники стояли шеренгой – словно не нашлось витрины, способной их вместить. Некоторые из стальных великанов заметно превосходили ростом капитан-командора. Как же ими рубились? Пока замахнешься – тебя три раза шпагой проткнут.

– Такими взламывали строй пехоты, – словно подслушав мысли ларгитасца, ответил на невысказанный вопрос герцог Оливейра. – Сносили выставленные вперед копья и алебарды, срубали древки – и колющий снизу вверх, от бедра. Страшной силы удар, доложу я вам. Вскрывает доспех, как консервную банку. На моих глазах так погиб Мигель Кесада, прозванный бойцами «Полторы удачи». Думаю, в тот момент ему и двух удач не хватило бы...

– А дальше? – капитан-командору мимо воли стало интересно, несмотря на всё его равнодушие к холодному оружию. – Ну, взломали строй. Началось столпотворение, мясорубка, как я понимаю...

Оливейра кивнул, соглашаясь: верно понимаете.

– Как такой длинномерной железякой орудовать в толпе? Ножом прирежут, и разрешения не спросят... Или строй взламывали смертники?

– Смертники? Ни в коем случае. Напротив, это были наиболее сильные и умелые бойцы, ветераны многих битв, оставшиеся в живых. Видите участок выше крестовины, над рукоятью? Обратите внимание: здесь нет заточки.

– Вижу. А тут даже кожей обмотано. Для чего это?

– Перехват. Одна рука – под гарду или на один из ее «рогов», другая – сюда. Тогда мечом можно работать с двух сторон: клинком и рукоятью. При ее длине удар «яблоком» стоит удара булавой.

Руки герцога, сжав невидимое оружие, изобразили в воздухе стремительную «восьмерку». Ван Фрассен никогда не держал в руках меча, но, тем не менее, оценил.

– Теперь понимаю...

Не понимал он другого: зачем Оливейра назначил встречу в музее? О чем гранд-эскалонец хочет с ним поговорить? О специфике мечевого боя? Так в этой области капитан-командор не знаток, и даже не любитель. Ван Фрассен обвел взглядом зал. Со всех стен – хмурый блеск бесчисленных клинков. Казалось, ряды мечей складываются в древние штрих-коды самой Смерти. В дальнем конце помещения они сливались в сплошное тусклое сияние. Окупись – и вынырнешь в мире, где орудут лезвием, острием и «яблоком»...

Капитан-командор мысленно встряхнулся и двинулся дальше.

На прошлой неделе в Академию генштаба пришел «закрытый» приказ министра обороны. Четверо преподавателей Академии получили назначение военными советниками, в том числе – и ван Фрассен. Особым распоряжением командования их отправляли в систему Наль-Цер, на планету Кутха. Адмирал Рейнеке ходил мрачнее тучи, громыхал на подчиненных и наводил тихий ужас на курсантов. Еще бы! Лучших людей отправляют гнить в варварскую дыру. Тоже мне служба – обучать дикарей тактике космического боя! А кто, спрашивается, будет готовить кадры для ВКС Ларгитаса?! Или мы, плазмы в задницы всем дипломатам, сами собираемся скатиться до пещерного уровня?!

Вслух свои мысли Кровопийца не озвучивал. Армейская дисциплина и субординация намертво въелись в плоть и кровь старого вояки. Приказы начальства не обсуждаются. Скрипеть зубами не возбраняется, но молча, дабы не подавать дурной пример молодежи. Скрипи и выполняй. Точка.

Дата вылета к новому месту службы была уже назначена. До нее оставался месяц. Сейчас капитан-командор проходил ускоренный гипнокурс языка аборигенов и штудировал справочную литературу по Кутхе. К заданиям он всегда подходил ответственно.

– ...вот, взгляните. Это интересно.

Герцог Оливейра остановился возле витрины, где под силовым колпаком покоились два клинка. Мечи – отдельно, ножны – отдельно. Капитан подошел ближе – без особого интереса, скорее из вежливости. Два узких клинка с плетеными гардами-«корзинками» казались игрушками по сравнению с двуручниками. А ножны – вообще произведения искусства. Серебро, финифть, инкрустации из яшмы и перламутра...

– Это боевое оружие?

– Боевое. Только дамское.

– Дамское?!

– Удивлены? Действительно, у предков – хоть наших, хоть ваших – не принято было учить прекрасных дам обращению с оружием. Но из любого правила есть исключения. Историки до сих пор спорят, откуда они берутся. Ожившее эхо легенд о племенах женщин-воительниц? Рудименты матриархата, через который прошли все цивилизации? – оседлав любимого конька, герцог вещал с интонациями лектора-просветителя. – Лично я склоняюсь к иному, сугубо практическому объяснению. Смутные времена, междоусобицы, бунты. Дороги кишат разбойными шайками... Доблестный рыцарь с верными кабальерос по приказу сюзерена выступает на войну. Его благородная супруга остается в замке с малой стражей. На счету каждый человек, каждый меч. Да и для женщины уверенность, что она при необходимости сможет постоять за свою честь – согласитесь, дорогого стоит.

Герцог задумчиво поглядел на витрину.

– Разумеется, немногие отваживались пойти наперекор традициям и предрассудкам. «Война – не женское дело», и всё такое. Замечу, что мне известны случаи, когда «мужская» наука в итоге спасала дамам жизнь. Два клинка в коридорах замка, при определенной сноровке – это, знаете ли, не любовное свидание при луне. Моя матушка, к слову, в придачу ко всем своим неисчислимым добродетелям, ловко управлялась с подобной парой. А мне вот не

повезло. Мне некому передать фамильных Хранителей Непорочности, как у нас называют эти мечи. Я произвел на свет четверых сыновей – и ни одной дочери. Вся надежда на внушек...

– Но в наше время, я думаю, уже нет нужды обучать девушек фехтованию? – выдавил из себя капитан-командор. Он никак не мог понять, к чему клонит Оливейра; зачем вообще затеял странный разговор. – Я понимаю: семейная реликвия, память. Но в практическом смысле...

Ответом ему была невеселая усмешка герцога:

– Вы правы. Практического смысла – ноль. Жизнь стала спокойнее, междоусобицы ушли в прошлое. А для самообороны куда полезнее умение снайпера. Научись стрелять из парализатора или лучевика, и пали на здоровье хоть в университете, хоть в коридорах замка... Я старомоден и нелеп, сеньор ван Фрассен. Дома я еще гожусь на кое-что. Но здесь, на Ларгитасе, мне место в музее. И всё-таки жаль, что у меня нет дочерей. Поймите меня правильно, сеньор...

– Теодор. Просто Теодор.

– Ни в коем случае. Хотя бы потому, что я не смогу предложить вам называть меня просто Хосе-Антонио Мигель Салазар Мария. Так вот, сеньор ван Фрассен, поймите меня правильно... После заточения в храмовых подземельях я очень привязался к вашей дочери. Меня беспокоит ее судьба и судьба Линды Гоффер. Первого же, – взгляд Оливейры сверкнул металлом, – кто усмотрит в этом желания стареющего педофила, я заколю на дуэли. Никогда я не коснусь вашей дочери похотливой мыслью или блудливым пальцем. Клянусь в том честию рода Оливейра-ла-Майор! Вы – мужчина, вы поверите моей клятве. И помните: если однажды – не приведи Всевышний! – Регине понадобится помощь...

Капитану, смущенному герцогским монологом, представилась ужасная картина. Вот – выныривает из РПТ-маневра скоростной перехватчик. За навигационным пультом – почему не верхом? – гранд Оливейра-ла-Майор, рыцарь и защитник угнетенных. Облачен в кирасу и шлем, при шпаге и кинжале, он спешит на подмогу семье ван Фрассен. И пусть только Регину завалят на сессии, или не дадут ссуды на приобретение дома...

– ...род Оливейра очень богат. Наше влияние ограничено Тетрафимой, но хороший счет в банке убедителен по всей Ойкумене. Нет-нет, не подумайте, что я хвалюсь богатством! Я знаю, ваша семья вполне обеспечена. И всё же... Бывают ситуации, когда деньги решают многое. Искренне надеюсь, что мое вмешательство никогда не понадобится, но если вдруг у Регины возникнут проблемы финансового или любого другого характера...

Он тоже смущен, понял капитан. Великий Космос! – он нервничает, как мальчишка.

– Обращайтесь без стеснения! Говорю вам это от чистого сердца. Как мужчина – мужчине, как отец – отцу. Кстати, то же самое я вчера сказал Клаусу Гофферу. Но с сеньором Гоффером мы знакомы давно, и я не сомневался в правильности его выводов.

– Право же, господин Оливейра, я чувствую себя неловко, – ван Фрассен ничуть не кривил душой. – Я крайне признателен вам за искренность, и за теплые чувства к моей дочери. Надеюсь вместе с вами, что у Регины не будет нужды... э-э... в глобальной поддержке. Но заверяю вас: если такая необходимость возникнет – вы будете первым, к кому я обращусь.

– Искренне рад, что мы верно поняли друг друга! – с облегчением выдохнул Оливейра. Ему нелегко дался этот разговор. Пожалуй, герцогу было бы куда проще взломать двуручником строй пехоты.

Капитан-командор развел руками:

– Даже не знаю, что еще сказать. Если это старомодность, о которой вы упомянули, я готов сегодня же записаться рядовым в армию консерваторов и ретроградов. И внедрять ваши нравы по всей Ойкумене; в первую очередь на Ларгитасе. Выходит, нам есть чему поучиться у Тетрафимы!

– О, не преувеличивайте! Помимо старомодности, тут имеет место и личная привязанность. Кроме того, уверен, обратись я к вам за помощью... Собственно, почему в сослагательном наклонении? На Соне так и случилось; более того, вы сами предложили...

– Ну, это сущий пустяк!

– Не скажите! В жизни нет ничего более важного, чем пустяки...

Открылась неприметная дверь. Мимо двух беседующих посетителей, единственных в зале, деловито простучала каблучками сотрудница музея – миловидная, в форменной блузке и короткой, выше колен, юбке. Жестом извинившись за беспокойство, она подошла к одной из витрин, достала универсальный ключ и, отключив силовой колпак, извлекла из бархатных объятий оружие странного вида. Длиннющий меч с узким клинком имел листовидное расширение на конце – и короткие «рога» примерно на середине клинка.

– Извините!

Сотрудница оглянулась.

– Не сочтите праздным любопытством, сеньорита, или, того хуже, поводом свести знакомство... – судя по лицу женщины, она вовсе не возражала свести знакомство с таким видным мужчиной, как герцог. – Разрешите взглянуть поближе? «Кабаний» меч, да?

На глазах капитана вершилось чудо. Вместо традиционного: «Экспонаты руками не трогать!» – сотрудница музея безропотно вручила меч Оливейре. В ее жесте было что-то аллегорическое, недоступное практическому разуму ван Фрассена.

– Замечательный экземпляр. И сохранился прекрасно. Это охотничий меч, – герцог обернулся к капитану. – С таким ходили на кабана. Матерого секача не всяким клинком оставишь. Видите лопаточку на конце? Заточена «под бритву». Это чтобы нанести более широкую рану...

– А «рога» зачем? – поинтересовался ван Фрассен. – Для перехвата, как у двуручника?

– Рога, или «чека» – упор. Нельзя, чтобы зверь добрался до охотника, по инерции ломаясь вперед и насаживая себя на клинок...

Сотрудница благоговейно внимала. Кажется, она готова была предложить Оливейре продолжить лекцию в более укромном месте, и без посторонних. А капитан ясно представил, как герцога отправляют военным советником в племя варваров из каменного века. Наладить производство металла из руды. Освоить технологиюковки оружия и доспехов. Вооружить всех железными мечами вместо обсидиановых топоров. Научить биться строем... Вне сомнений, герцог справился бы. Справится ли он, Теодор ван Фрассен? Кутха – это, конечно, не каменный век. Ларгитасцы курируют планету не первый год. Много сделано; заложен фундамент... Но обучить аборигенов пилотировать космические корабли? Привить элементарные тактические навыки?

Нет ничего невозможного. Но сколько на это понадобится времени? Регина, Анна-Мария... Как долго он их не увидит?

Ответа капитан-командор не знал.

Часть четвертая Кутха

Глава первая Снега Непая

I

– И не вздумай худеть! – предупредил Ник.

Потершись щекой о плечо Регины, он заурчал, как сытый, довольный кот.

– Ты царапаешься! – возмутилась Регина. И рассмеялась, когда Ник, вздыхая, с обреченностью пай-мальчика полез из-под одеяла. – Я пошутила! Ну ты прямо как я не знаю кто! Уже и пошутить нельзя...

А ведь и впрямь ушел бы бриться, подумала она. Скажи я, что голодна, и он отправился бы к холодильнику. Начни привередничать – потопал бы по снегу в магазин, за деликатесами. Захоти кофе или чаю – кинулся бы к аппарату. Потребуй я любви – устал, не устал, а исполнил бы в лучшем виде. Ник, славный мой, куда я раньше-то глядела...

Год назад, пребывая в скверном расположении духа, Регина заявила Нику, что настоящие мужчины не пользуются депиляционным бальзамом «Свежесть». Настоящие мужчины бреются, как ее папа, вручную. С того дня Ник изменил привычки, купил бритвенный станок «Larex» («супер-подарок для прогрессивного мужчины!») и раз в два-три дня героически терзал румяные щеки и подбородок. Практического смысла в этом было немного – борода у прогрессивного мужчины не росла. Зато Регина еще раз уверилась: ее слово для Николаса Зоммерфельда – закон. Хорошо, что она не потребовала от Ника взяться за опасную бритву...

Хотя этот бы освоил.

Они лежали в постели, хранившей тепло и запах их тел. Бок-о-бок, без движения. В окно, сунувшись между шторами, подглядывал день: юный, солнечный, морозный. Карниз дома, стоящего напротив отеля «Эрмен», оброс гирляндами сосулек. В небе, ясном, словно новенькое зеркало, кружились птицы. Лежи, сколько угодно, шепнул праздник, ласкаясь. Никуда не спеши. Болтай о всяких глупостях.

Предел мечтаний.

– Зачем ты прилетела? – спросил Ник. – Я волнуюсь.

– А ты?

– Я прилетел на практику. Меня распределили на Кутху – сюда, в Непай, в консульство. Это хорошее распределение. В зачет пойдет и пребывание в «горячей точке», и «участие в боевых действиях». Куратор сказал, что мне повезло. Это хороший старт для карьеры...

«Всё у тебя есть, милый мой Ник, – нежась в тепле, Регина слушала вполуха. – Всё, кроме чувства юмора. Ты рассказывал мне об этом триста раз. Практика, выгоды, причины. И вот – стоит мне отмахнуться, повторив твой же вопрос, как ты вновь начинаешь объяснять. Странное дело: я и это люблю в тебе. Кого другого уже убила бы...»

– ...поэтому я здесь, на Кутхе. А ты могла бы подождать меня на Ларгитасе. Меньше трех недель осталось...

– В боевых действиях?

– Ага, – Ник погладил ее по животу.

– Участие?

- Ага, – он погладил снова.
- Раз так, участвуй, – разрешила Регина.
- И Ник подчинился.

К разговору они вернулись спустя полчаса. Кровать выглядела так, будто ее громил взвод десантников при поддержке с воздуха. Кто-то лежал вдоль, кто-то – поперек, но у Регины не было сил разобраться: кто именно. Ей казалось, что и разговаривает кто-то другой, если не третий.

- И не вздумай худеть...
- Повторюша-хрюша.
- Я сто раз повторю. Не вздумай.
- У меня толстая задница.
- У тебя отличная задница.
- У меня нет талии.
- Ты врешь.
- Это правда.
- На месте твоей талии я подал бы в суд за клевету.
- Я похожа на плюшку.
- Обожаю плюшки.
- А воблу?
- Ненавижу.
- Даже с пивом?
- М-м... Я подумаю.
- Иди в свое консульство. Ты меня замучил.
- Сегодня выходной.
- Иди поработай сверхурочно. Нет-нет, я пошутила...

«Видела б нас твоя мамочка,» – усмехнулась Регина, задремывая. Но приснилась ей не мать Ника, советница Зоммерфельд, а собственная мама. Молодая, какой Регина никогда не видела Анну-Марию ван Фрассен, в девичестве – Рейнеке, стройная, одетая в легкомысленный пеньюар, мама разглядывала голого Ника и облизывалась. «Маленький мальчик, я тебя съем...» Регина почувствовала укол незнакомого, ядовитого чувства – и не сразу поняла, что это ревность. Ты чего, мама, спросила она. Ничего, ответила Анна-Мария. И вообще, я не твоя мама. Я – каприз твоего подсознания. А я твой папа, добавил Ник, хихикая. И ничуть не похож, хотела возмутиться Регина, но тут Ник превратился в капитана ван Фрассена и полез приставать к Анне-Марии, а Регине совсем не было стыдно, потому что сон...

II

- «Чур, я жених! Капитан корабля – жених!»
- «А я невеста!»

Николас Зоммерфельд был в ее жизни всегда. Педанты уточнили бы: с детского сада – только Регина не помнила себя до «Солнышка». Жених на «космической свадьбе». Смущенный мальчишка с букетом люминолусов. И дальше, позже – сообщение на экране уникама, голос в акуст-мембране, тень за плечом. Он приезжал, когда Регина звала. Вел беседы, если ей того хотелось. Помогал с алгеброй и номологией. Отвечал на вопросы; молчал, чувствуя, что она не в духе. Дарил подарки, давал советы. Терпел всё на свете, виновато улыбаясь. Никогда не отговаривался занятостью. Исполнял прихоти, принимал исповеди. Однажды Регина поняла, что Линда Гоффер, близкая подруга, знает о ней меньше, чем Ник. Сын советника Зоммерфельда ничего не требовал, ни на что не надеялся. Он просто был рядом, если в нем

нуждались. У Ника на плече Регина рыдала, проклиная мерзавца Фому. Ника она кружила в танце, радуясь свидетельству об окончании интерната. Нику первому, не считая родителей, сообщила радостную весть о поступлении в университет.

«Выхаживает, – однажды сказала Анна-Мария в присутствии дочери. – Такой дождется...» Мама без предвзятости относилась к Нику, но терпеть не могла Зоммерфельдов-старших. Регина вспыхнула, поссорилась с матерью, наговорила колкостей и потом неделю дулась. В эти дни она сама прыгнула в постель к Нику, желая что-то доказать Анне-Марии, но доказала лишь себе: мама права, и в ее правоте нет ничего обидного. Ник дождался; с Ником, застенчивым и нежным, ей хорошо, и конец разговору.

Он не стал первым. После Фомы, гори он звездным пламенем, Регина как с цепи сорвалась. К счастью, ненадолго. О да, Ник не стал первым, хотя Регина подозревала, что он может стать единственным.

«Он спросил, с какого возраста люди женятся...»

«Вы показывали мальчика врачу?»

«Обследование не выявило патологии. Я хотела бы попросить вас... Мальчик очень хочет повидаться с вашей Региночкой. Нет, конечно, о женитьбе и речи не идет! Детские шалости, пустое...»

Ник был как воздух. Значение воздуха понимаешь, когда нечем дышать. Среднего роста, плотного сложения; кучерявый, как барашек, надежный, как трос скалолаза. В их союзе, словно в родной речи, каждый обладал своим именем.

Регина – существительное, Ник – прилагательное.

Его молчаливая поддержка очень помогла Регине после окончания интерната. В те дни разразилась Великая Домашняя Война. Дубль-дед – так девушка в шутку звала адмирала Рейнеке – много лет мечтал увидеть двоюродную внучку на стезе военной карьеры. Случаются люди, не умеющие мечтать. Если однажды к ним всё же забредает мечта, она не терпит соперниц, становясь идеей-фикс. Любуясь Региной, взрослеющей год от года, дубль-дед видел погоны и петлицы, чины и звания, ордена и медали. Он со всеми договорился заранее. ГВВКУС – Гийское высшее военно-космическое училище связи имени Беллы Кнаух – с нетерпением ждало абитуриентку ван Фрассен, забронировав место на факультете оперативной координации. Начальник училища, полковник Шумахер, регулярно связывался с адмиралом Рейнеке, своим давним другом. Старики спорили: кто кому оказывает услугу? Полковник считал, что он в долгу у адмирала – училищу катастрофически не хватало курсантов-телепатов. Адмирал возражал: отдав двоюродную внучку в надежные руки, он считал себя обязанным Шумахеру до конца дней.

Спор закончился вничью – Регина подала документы в медицинский. Хирургический факультет, отделение пси-анестезиологии. Для матери это стало новостью; для отца – нет. Капитан знал о намерениях дочери и поддержал ее выбор. Для дубль-деда это оказалось шоком. Он приехал в парадной форме, сверкая наградами; он обрушился на троих – отступницу, предателя и молчаливую попустительницу – всей мощью ВКС Ларгитаса, всем авторитетом старшего в семье. И с изумлением выяснил, что этого недостаточно. Бас гремел, взор сверкал; залпы аргументов, судя по лицам родственников, давили сопротивление в зародыше...

И что? – провал операции.

Тогда адмирал взял непокорную внучку в осаду. Непокорного зятя он игнорировал, полагая Регину слабым звеном. Являлся по три раза на дню; звонил каждый час. Убеждал и грозил. Рисовал радужные перспективы в одном случае, и скорбные – в другом. Соблазнял продвижением по службе. Ловил на крючок долга перед Отечеством. Как-то даже принес журнал

«Армия и мода» – спец-выпуск для женщин-офицеров. «Черный плащ, – дубль-дед заливался соловьем, приведя Регину в священный трепет, – белые лацканы! Два ряда золотых пуговиц...»

– Я боюсь, – однажды сказал капитан ван Фрассен дочери.

– Думаешь, он проклянет меня? Упечет тебя в отставку?

– Нет. Боюсь, что он сломается, выяснив, что проиграл...

– Шутишь, папа?

– Мне не до шуток. Ты полагаешь адмирала смешным, упрямым стариком. Я знаю, что он бывает смешон, бывает упрям, но к цели он идет напролом. Поверь мне, в любом другом случае твой двоюродный дед сломил бы сопротивление. Нашел бы и способы, и методы. Тебя же он любит до одури, до умопомрачения. Так любит, что может лишь уговаривать. Флагман-фрегат, лишенный бортовой артиллерии. Остался только маневр. Ему не позавидуешь, девочка моя...

Сперва Регина решила, что отец преувеличивает. Но когда адмирал внезапно исчез – ни вызова, ни приезда, ни отклика на посланное сообщение – она испугалась. Отец заверял, что каждый день видит дубль-деда в академии, и тот не производит впечатление человека больного или одряхлевшего. Крепок как дуб, здоров как бык.

Регина не верила.

«А вдруг я ошиблась, – думала она, впервые узнав, что такое бессонница. – Вдруг мне и впрямь стоило избрать военную карьеру? Если я хочу избавлять людей от боли и страха – став офицером ВКС (как папа!), я смогу избавлять от боли и страха весь Ларгитас...»

Видя тревогу дочери, капитан ван Фрассен – с недавних пор капитан-командор – предположил в присутствии Регины, что адмирал Рейнеке просто отошел на заранее подготовленные позиции. В обязательное образование на Ларгитасе входила бакалавратура. Желающие продолжить обучение грызли гранит наук дальше (кто – два года, кто – три), добиваясь первого, кавалерского титула. В ВУЗах инопланетников он приравнивался к магистру. Дубль-дед вполне мог подождать, пока блудная внучка станет бакалавром медицины, и с новыми силами пойти на штурм, добиваясь перевода в ГВВКУС.

«Мудрая тактика, – сказал ван Фрассен. – Вполне в духе Кровопийцы. Не бойся, сокровище, мы встретим его во всеоружии. Обойдем с флангов, возьмем в клещи, обнимем, расцелуем...»

А я боюсь, молча возразила Регина. Я ведь буду ждать, и ожидание – монстр с острыми клыками – сожрет меня до последней косточки. Не выдержав, девушка поделилась сомнениями с Ником. И увидела, как тихоня Ник превратился в скалу. Ты права, сказал он. Забудь про адмирала. Забудь про родителей. Про долг и карьеру – забудь. Помни про себя. Ты выбрала, и значит, ты права. Выбирающий всегда прав. А сомневающийся всегда в убытке.

«Это ты сам придумал?» – спросила Регина.

«Нет, – ответил честный Ник. – Ну и что?»

И Регина стала легкой-легкой, как воздушный шарик.

С началом учебы их встречи сделались редкими. Зоммерфельды – у семьи имелся покровитель в высоких кругах – «поступили» сына в ЛУМО, на факультет теории власти. Ближайшее отделение ЛУМО располагалось в Орцвальде, далеко от Лусса, где училась Регина – так далеко, что не очень-то поездишь друг к другу. Ник, студент-международник, при любой okazji вырывался в Лусс, но очная форма обучения сводила число okazji до минимума. Каникулы, да еще государственные праздники. Находясь рядом с Региной, млея от счастья, Ник тем не менее, как заведенный, бубнил из учебника:

– ...подответвление этногенетических наук включает в себя две науки 1-го порядка: номологию, то есть правоведение, и политику. Политику составляют две науки 2-го порядка: теория власти и ценольбология...

– Ты совсем как мама! – сердилась Регина. – Помолчи хоть минутку!

– ...науки 3-го порядка, – отвечал Ник, кивая, – как то кибернетика, или наука об управлении, дипломатия и этнодицея, занимающаяся правами народов, составляют...

– Ах, так? Замечу вам, любезный, мой, что α -мотонейроны образуют прямые связи с чувствительными путями, идущими от экстрафузальных волокон мышечного веретена, имеют до 20 000 синапсов на своих дендритах и характеризуются низкой частотой...

Время летело незаметно. Когда любишь, мелкие ссоры лишь добавляют перчику в отношения. Иногда Регина задумывалась над причинами верности Ника. Ребенок, мальчик, подросток, юноша; молодой человек. Десять с лишним лет ожидания. Гормоны бьют ключом. Вокруг толпы дивных цыпочек. Ник – парень хоть куда, на такого гроздьями вешаются. А он стряхивает гроздья, он ждет, надеется... Любовь? Или на «космической свадьбе» ты, флейтистка драная, всё же что-то нарушила в мозгу Николаса Зоммерфельда? Первый ментальный прорыв – самый сильный, никому из телепатов не суждено достигнуть подобного уровня за всю жизнь. Можно приблизиться, угробив десятки лет на обучение и тренировки, но сравняться нельзя. Мощнейший подавитель не сумеет полностью контролировать такую большую группу объектов, какую играючи «взяла» малышка Ри. Про феномен «инициативного выхода из скорлупы» написана уйма монографий; увы, причины неизвестны до сих пор.

Радуйся, подруга – вечный детский сад, любовь до гроба.

Радуюсь, соглашалась Регина.

«Ник, ты хочешь, чтобы я была невестой.»

«Ага, хочу!»

Проверь, шептало сомнение. Поройся, разгреби завалы; посмотри – что да как. Чего ты боишься? Да, Зоммерфельды по сей день регулярно показывают сына маркизу Трессау. Да, опытный психир не фиксирует патологии. Ну и что? Трессау не получал образования на Сякко, он может ошибиться. У тебя вообще нет диплома психира? Глупенькая! Любящий глаз и без диплома заметит пустячок, ускользнувший от врача. Проверь, убедись...

Нет, отвечала Регина.

Почему?

Потому что я выбрала, и значит, я права. Выбирающий всегда прав. А сомневающийся всегда в убытке.

Кто это сказал?

Это сказал Ник. И хватит разговоров.

III

– Хочу кофе.

– Сейчас.

– Ты куда?

– За кофе.

– Ты с ума сошел? Зачем ты одеваешься?

– Ты хочешь, чтобы я спустился вниз голым?

– Вниз? Нет, ты и впрямь рехнулся. Набери на панели заказа код, возьми из «доставки» чашку кофе и принеси мне в постель. Я люблю со взбитым желтком и капелькой ликера.

– Здесь нет панели заказа.

– В отеле?

– Да.

– В номере «люкс»?

– Да.

- Нет панели?
- Нет.
- Ты издеваешься. Ну скажи, что ты издеваешься!
- Я схожу вниз, и дежурный администратор сделает тебе кофе. У него есть электрочайник. Или в баре... Тут есть бар; правда, маленький.
- Глушь. Дичь. Катастрофа.
- А чего ты ждала? Это же Кутха. И потом, ты бывала на Тетрафиме. Могла бы привыкнуть к гримасам цивилизации. Вернее, к ее отсутствию.
- На Тетрафиме мы жили в доме Гофферов. В ларгитасском квартале. Знаешь, какой у них дом? Обзавидуешься...
- Здесь будет то же самое. Когда-нибудь.
- Завтра?
- Позже. Непай – наш ровесник. Городу – двадцать один год. Его строили ларгитасцы по спецзаказу. С учетом местных реалий, цивилизационного шока, и всё такое. То, что тебе кажется дичью, для кутхов – венец прогресса. Фантастика. Стоит отъехать от Непая, и про кофе можно забыть навсегда.
- Теперь всё ясно.
- Что тебе ясно?
- Причины, по которым тебе зачтут «пребывание в горячей точке». Я бы даже сказала: «в раскаленной добела точке».
- Скорее, в «холодной точке».
- Хорошо. В замерзшей до посинения точке. И прекрати меня щекотать. Хотя нет, продолжай. Иначе тебе не зачтут «участие в боевых действиях».
- От кого я это слышу? От дочери военного советника при командующем ВКС Кутхи? От единственного ребенка капитан-командора ван Фрассена, который сейчас муштрует на орбите местных разгильдяев и лоботрясов? От наследницы доблестного офицера, променявшего кабинеты академии на «глушь», «дичь» и «катастрофу»?
- Ничего папа не менял. Ему приказали. Ты не хуже меня знаешь: группу преподавателей академии, имевших в прошлом боевой опыт, сорвали с места по приказу командования. И вот, извольте создавать с нуля военно-космические силы дикарей... Я – дура набитая. Зачем я рвалась сюда?
- Увидеть меня.
- Ничего подобного. В первую очередь я хотела увидеть папу.
- А приехала ко мне. Прямо с космодрома.
- Зря гордишься. Я приехала к тебе, потому что папа – на маневрах. В смысле, на орбите. Я просилась к нему на орбиту, но меня не пустили. Тут и подвернулся некий пижон Зоммерфельд.
- Студент-международник Зоммерфельд. Будущий полномочный посол Ларгитаса на Квинтилисе.
- Остынь. Или не остывай, так приятнее. Кто ты есть, мальчишка? Студентка на практике. Архивный крысенок в консульстве. Получишь характеристику, отметку в личном деле – и снова за учебники. А мой папа – герой. К герою лететь приятнее.
- А если так?
- Всё равно приятнее.
- А так?
- М-м...
- Ну?
- Не мешай мне думать. И не останавливайся.

Набережную кто-то нарисовал углем и мелом. Снег во всех его видах – рыхлый, плотно утрамбованный, сухой и рассыпчатый, как горсть искр; схваченный в плен твердой коркой наста... Черный горб моста. Черные лотки с сувенирами. Белый лед на реке. Черные птицы на перилах. Белые кухлянки торговцев. Вышивка, бахрома, капюшон – Регина аж задохнулась от зависти. Шубка, купленная в «свободной зоне» космодрома, из шедевра туземной роскоши, какой казалась еще час назад, превратилась в жалкие обноски для туристов. Уловив настроение подруги, Ник клятвенно пообещал...

И опоздал.

Кухлянка – вчерашний день; Регина уже самозабвенно торговалась за капор, расшитый солнышками из бисера. Молоденькая кутха-продавщица, на унилинге знавшая пять слов (из них три «себе в убыток!»), объяснялась жестами, набивая цену.

– Чего она хочет?

– Тебя радует. Полезная, мол, вещь. Двойного назначения.

– В каком смысле?

– Праздничная, она же погребальная. Можно сэкономить на похоронах.

Разочаровавшись в капоре, Регина двинулась дальше.

У спуска с моста приютился маленький оркестрик. Карлица-варганистка, зажав в зубах инструмент, «вибрировала» в транс. Глаза карлицы закатились, палец самозабвенно ласкал язычок варгана. Рядом с ней голый по пояс толстяк пилил смычком лук с тремя тетивами. Выла труба, свернутая из бересты. Свистела костяная флейта. Два старика-перкуSSIONиста творили чудеса: бубны, жужжалки, хлопущки, щелканье бичей, лишь чудом не задевающих лица прохожих...

В шапке перед карлицей ютились жалкие монетки.

Прямо от ног музыкантов вниз по склону стартовали мальчишки. Животом упав на доску, они неслись в вихре снежной пыли – дальше, еще дальше, на середину реки. Визг стоял жуткий. Станным образом он не мешал музыке, а вплетался в нее. Чудилось странное – замолчи мальчишки, и онемеет оркестр. Отыскав в кошельке купюру в десять эю, Регина бросила деньги в шапку. И сразу же забыла про карлицу с ее варганом, про мальчишек, чьей свободе только что завидовала...

Она увидела зверя.

Нет, не так: Зверя.

Зверь лежал на мостовой, опустив на лапы кудлатую башку. Дымчатый, в пятнах, с белым брюхом и грудью, он был устрашающе велик. Таким Регина представляла себе полярного медведя. Зверь и впрямь походил на медведя, но и кошачьего в нем было с лихвой. Очень длинный хвост, очень короткие лапы; жуткие клыки, ясно видимые, когда зверь зевал. Возле живого кошмара, приветливо улыбаясь, стоял кутх-голограф с древней камерой на штативе. Завидя интерес Регины, кутх замахал руками – прошу, на память, ролик в лучшем виде...

– Саркастодон, – сказал Ник. – Местный хищник.

– Опасен? – боязливо поинтересовалась Регина.

– «Цепной». Видишь, хозяин рядом. Хочешь дернуть за хвост?

– А можно?

– Нет проблем.

Подавая пример, Ник отважно взял зверя за хвост и дернул. Саркастодон не шелохнулся. Ник бросил кутху-хозяину монету и знаком подозвал Регину. Всё еще боясь, девушка с опаской погладила хищника по спине. Никакой реакции. Расхрабрившись, Регина почесала зверя за ухом. Ответом было полное безразличие. Казалось, глядят чучело.

– Дергай!

– Не хочу...

– Ну и зря.

Мех приятно тек под рукой.

– Садись! – предложил кутх-голограф. – Верхом садись, однако!

Ник подал ей руку. Забираясь на зверя, Регина чувствовала себя дурочкой, лезущей на стацию или аттракцион. Но вот под кожей саркастодона заиграли могучие мускулы. Дождавшись, пока девушка устроится с комфортом, зверь начал вставать. В холке он удался не слишком – метр, как говорится, с хвостиком. Если бы не короткие лапы, оценила Регина, вымахал бы на все полтора. Зато в длину «с хвостиком» хищник вырос не меньше, чем на четыре метра. Ловко орудуя камерой, хозяин зверя цокал языком, пел клиентке дифирамбы – и сто раз повторял дурацкую шутку про «красавицу и чудовище».

Встав, зверь опять замер без движения. Потом вдруг оскалился и зарычал: низко, грозно. Наверное, в этот момент туристки захлебывались крепким коктейлем: ужас пополам с восторгом, взболтать, лед по вкусу. Лучшие кадры – в компании друзей и родственников будет чем похвастаться. Регина же поймала себя на равнодушии. Страх исчез, словно изгнанный рыком. Хищник скалился по команде, рычал по команде; сунь ему голову в пасть – он и тут по команде замрет, раздвинув челюсти, дожидаясь, пока хозяин закончит снимать ролик.

«Я могла бы подслушать команду. Снять блоки, давно ставшие второй натурой; навести ушки... И что? Я сама способна так же приказать человеку, как кутх – зверю.» Э, нет, ответил ей внутренний голос. Совсем не так, дорогая. В твоём случае один человек приказывает другому. А кутх... Саркастодон – часть его самого. Кутх не приказывает, а *шевелит* зверем. Так ты шевелишь рукой или ногой, меньше всего задумываясь о желаниях и надеждах части тела.

Зверь снова лег, и она слезла.

– Не нравится? – огорчился голограф, принимая от Ника плату. – Такой девица, такой вкусный, славный девица... Зачем не радуешься, однако? Хорошо бояться, хорошо пищать. Страх – сладко, ай, сладко! Зверь большой, зубастый...

Кутх говорил искренне. Он вился вокруг Регины, как ожившая метель, дергал за рукав, пытался развеселить. Не деньги волновали голографа – гонорар он уже получил. Видя, что его потуги пропадают тщетно, кутх решил на крайнюю меру. Перекинувшись парой слов с Ником и получив от того пять экю сверх обычной платы, он отбежал в крытый павильон, расположенный ближе к реке, и вернулся с пластмассовым болваном. Болван был похож на кутха, словно брат-близнец – только голый, бритый налысо и увешанный дешёвенькими бусами.

– Смертельный номер! – голограф поставил болвана перед саркастодоном и отпрыгнул к камере. – Враг-каутли, однако! Саркастодоны Кутхи рвут злобный враг! Всем нравится, все хлопают в ладоши!

Зверь вскочил. Шерсть на саркастодоне встала дыбом. Сверкнули клыки, из пасти вырвался хриплый рев. Ударив болвана лапой, хищник подмял его под себя и вцепился в добычу. Когти и зубы трудились над пористой, легко сдающейся пластмассой. Бусинки летели градом. Голограф снимал, стараясь, чтобы Регина с Ником тоже попали в кадр. Девушка отметила, что кроме них, никто больше не интересуется зрелищем. Даже мальчишки продолжили катанье. Саркастодон рвал болвана, и ярость зверя – Регина могла в этом поклясться! – была подлинной. Только вот принадлежала она, эта ярость, не зверю, а человеку. «Цепной» зверь по-прежнему оставался частью хозяина, тупо выполняющей приказ. Но «врага-каутли» голограф ненавидел всерьёз. Дай волю и будь болван живым – сам бы зубами выгрыз глотку.

– Пойдем, – попросила Регина, борясь с тошнотой.

– Ага, – согласился Ник.

Поблагодарив голографа, он забрал у того кристалл с записанным роликом.

IV

Сказка выплывает там, где тонет наука.

Жили-были два брата, два смелых охотника – Кутха и Каутли, Ворон и Орел. Вместе зверя били, вместе хлеб делили; под одной крышей спали. Никого не боялись. Да пришла и к ним беда. Полюбили братья красавицу Наль-Цер, дочь вечерней зари. Ох, и полюбили! Жаль, не добыча красавица, не каравай хлеба – на двоих не делится.

– Никого не боюсь, – сказал Каутли-Орел. – И тебя, брат, не боюсь. Моя жена!

Схватил он Наль-Цер за левую руку.

– И я никого не боюсь, – сказал Кутха-Ворон. – А уж тебя, брат, и подавно. Моя жена!

Схватил он Наль-Цер за левую руку.

– Моя!

– Нет, моя!

Короче, недосмотрели – разорвали пополам. Кому нужна половина красавицы? Никому. Ни по дому хлопотать, ни детей рожать – ни на что не годится. Бросили братья в снег то, что держали, и разошлись в обиду. Так далеко разошлись – подумать страшно. Орел на край света улетел. Ворон на другой край света улетел. И с тех пор никогда не встречались.

Ученые сказок не читают. Ученые сидят, ломают умные головы. Есть в созвездии Моржа двойная звезда Наль-Цер, злополучная красавица. Есть в Наль-Церской системе две обитаемые планеты: Кутха и Каутли. Два мира-брата, разделенные черной пропастью. И пока корабли Лиги не сделали черную пропасть торной дорогой, не встречались друг с другом кутхи и каутли. Дикари! – этим холодно, тем жарко. А в вакууме ни босиком, ни на лыжах не пройти.

Тут в другом закавыка: почему дикари так похожи?

Ведущие антропологи Ойкумены хором утверждали, что кутхи и каутли принадлежат к одной расе. Весь комплекс наследуемых признаков говорил в пользу этого. Язык двух народов был практически идентичен. И кутхи, и каутли являлись энергетиками, во многом сходными с более развитыми помпилианцами. Но если помпилианцы в процессе эволюции научились «клеить» людей, используя энергию рабов на благо своей цивилизации, то буйные женихи красавицы Наль-Цер еще стояли в начале эволюционного пути.

Они клеймили не людей – зверей.

Принудить зверя, будь то хищный саркастодон или травоядный мамонт, к рабскому повиновению мог любой кутх, любой каутль. Более того, дикарь мог держать «на поводке» целую свору – до десятка животных одновременно. Жаль, что долго пользоваться мохнатыми слугами не получалось. Охотясь для хозяина, «цепной» саркастодон после года службы терял интерес к жизни и требовал неусыпного контроля. Предоставлен самому себе, хищник спал круглые сутки, гадил, где лежал, не реагировал на самку, пренебрегал едой, даже если мясо лежало перед его носом – и быстро умирал. Поэтому коров, к примеру, «на цепь» не брали. Кому хочется, чтобы корова сдохла через год? И весь домашний скот не брали. Разве что брыкливого жеребчика – «заклеймил» на недельку, объездил, отпустил на волю.

Планету Каутли первыми открыли помпилианцы. Планету Кутху – ларгитасцы. И дикари, наивные дети природы, сразу выяснили, что это значит – попасть в сферу чужих интересов. Помпилианцы, с их страстью брать всё нахрапом, сперва планировали увеличить за счет каутлей число своих рабов. Пока Лига разберется, пока Совет возьмет новый мир под крыло закона... Энергетическое родство с каутлями не смущало рабовладельцев. Брат вполне способен пахать на брате, особенно если тот, к слову сказать, не в силах дать сдачи. Смutilо иное – выгода. Дополнительная выгода, которую сразу подметили умные помпилианские головы. «Цепной» мамонт – да хоть мул! – подсоединенный к генератору, давал энергию ничуть не хуже, чем раб-человек. Да, энергии было меньше. Да, мамонта хватало на год, а люди слу-

жили дольше. Но «клеймение» соседей было чревато для помпилианцев вечными конфликтами, рабов катастрофически не хватало для полноценного развития социума...

Зверей же в Ойкумене водилось – бери, не хочю.

Тут и выяснилось, что способность клеймить зверей помпилианцы утратили на дорогах эволюции. Наверное, утратили бы ее и кутхи-каутли, с течением веков переключась на себе подобных. Но помпилианцы вцепились в неожиданный подарок судьбы – не отнять. На их энергостанциях объявились стада и стаи, отары и табуны. Теряя свободу, «цепные» животные под управлением хозяина-каутля питали собой энергетику империи. Протесты «зеленых», этого посмешища Галактики, в расчет не брались – пусть устраивают пикеты у питомников шиншилл, а не у охраняемых объектов государственного значения.

Ну и рабов Каутли поставляла, не без того. Юристы Помпилии с ходу нашли общий язык с местными жрецами. Теперь жертвы богам, ранее умерщвляемые на алтарях, свозились в концентрационные лагеря – и грузовыми звездолетами забирались прямо на небеса. Жречество, почесывая округлившись животики, разъяряло пастве преимущества нового метода. А законоведы Лиги тщетно искали, к чему бы придраться.

Ларгитас в отношении Кутхи поступил иначе. Что могли взять продвинутые техноложцы у закутанных в шкуры недоэнергетов? Бубен? «Цепного» моржа для цирка? О нет, ларгитасцы поступили мудрее, использовав Кутху как плацдарм для агитации. В недрах Королевского Совета родилась светлая идея – продемонстрировать всей Ойкумене преимущество технологического пути развития перед эволюционно-физиологическим.

Проще говоря: наукраты против эников-беников.

Контакты Ларгитаса с Кутхой отличались масштабностью и хирургической деликатностью. Гуманитарная помощь. Дипломатические отношения. Развитие системы образования: сперва – для элиты, отобранной специалистами, в перспективе – для всех. Строительство городов. Снабжение техникой – с массой ограничений, не создавая цивилизационного шока. Привлечение туземцев к работам, способствующим росту интереса к науке. Создание и оснащение вооруженных сил; в первую очередь – военно-космических, как залога независимости.

Всё это поставлялось, дарилось и продавалось за сущие гроши, в обмен на главную валюту – отказ кутхов от врожденных способностей энергетов. Ларгитасцы понимали, что решение элиты, пользующейся дарами цивилизации, не означает массовый отказ кутхов от собственной природы. На саркастодона, забавляющего туристов, смотрели сквозь пальцы. На «цепных» зверей в глуши, в снежных дебрях – тем более. Важным было другое – элита становилась примером для подражания. Отрекись от «примитивной физиологии» – и «звездные погонщики» пустят тебя в круг избранных, в какой бы семье ты ни родился. В круге тепло, сытно, безопасно; в круге учат полезному и дают чудесное...

Это било в цель без промаха.

Но и Каутли вооружалась стремительными темпами. Может быть, даже быстрее, чем Кутха – помпилианцев не сдерживали проблемы цивилизационного шока. Два брата, Ворон и Орел, ненавидели друг друга со страстью дикарей. Ненависть подогревалась еще и тем, что за плечами братьев стояли чудовищно огромные тени: рабовладельческая Помпилия и наукратический Ларгитас. А значит, красавице Наль-Цер вновь суждено было кричать, раздираемой на части.

Вопль ее сотряс космос.

V

«...как сообщают наши корреспонденты, ВКС Каутли в составе трех штурмовых эскадр вероломно вторглись в околопланетное пространство Кутхи. Завязав бой на орбите, агрессоры частью сил продолжили движение,

проникнув в воздушное пространство Свободной Республики Кутха. На северо-востоке провинции Тыганак был высажен десант. В данный момент диверсионные группы каутлей при массовой поддержке с воздуха уничтожают объекты гражданской инфраструктуры, расположенные в окрестностях Непая. Как и предполагалось, „боевое крыло“ Фронта Освобождения Кутхи, этих отщепенцев, готовых на всё ради захвата власти, предательски поддержало вторжение – с лесных баз на соединение с десантными частями противника уже выдвинулись отряды полевых командиров Емингыра и Ахгана. Нет сомнений, что Непай, ключевой областной центр, в самом скором времени будет взят в кольцо и подвергнется оккупации.

„Этот акт агрессии, – заявила премьер-министр Ханаг Рымза, – является грубым нарушением Тернесского соглашения. Оставляя за собой право на адекватные ответные действия, мы обращаемся в Совет Лиги с требованием осудить...“»

Информационный канал «Ворон свободы»

«...Каутли не намерена официально комментировать сообщения продажных кутхианских СМИ о вторжении каутлийских ВКС, – сообщила пресс-служба его величества (славься!) Иц-Цаотля. – Хотим лишь заметить, что Мы (славься!) неоднократно предупреждали руководство Свободной Республики Кутха, и лично премьер-министра Рымзу, об ответственности за укрывательство пиратских кораблей, незаконно терроризирующих торговые пути в Наль-Церской звездной системе. Информация о лагерях, расположенных в провинции Тыганак, где вопреки межгосударственным соглашениям ведется тайная подготовка пиратских экипажей, передавалась Нами (славься!) в Совет Лиги. Теперь же, когда справедливое возмездие...»

Информационный канал «Правда Орла»

– Сегодня мы пригласили в студию известного политолога Юнана Булинаса. Юнан, как вы полагаете, нам стоит ждать быстрой реакции Совета Лиги?

– Нет, не стоит.

– Можем ли мы рассчитывать на резолюцию Совета в отношении Каутли, где прозвучат требования немедленного вывода войск?

– Нет, не можем.

– Объявит ли Совет Лиги бойкот Каутли?

– Нет, не объявит.

– В таком случае будет ли принята резолюция с разрешением использовать все средства, в том числе и военные, чтобы вынудить каутлийские войска уйти с Кутхи?

– Нет, не будет.

– Вы – замечательный собеседник, Юнан. Скажите, на чем основывается ваша уверенность в молчании Совета Лиги?

– На времени.

– Если не трудно, поясните вашу мысль.

– Заседание Совета Лиги состоится в лучшем случае через неделю. К этому времени каутли оставят Кутху в покое.

– Думаете?

– Это моя профессия, молодой человек – думать. Цель Каутли – не оккупация и захват территорий. Их цель – уничтожение молодого космического флота Кутхи. Доминирование в системе. Пираты, лагерь – только повод. Довольно нелепый, как по мне, но действенный. Уничтожив корабельные верфи и центры подготовки пилотов, каутли уйдут.

– Еще один вопрос. Готовы ли мы...

– Нет.

– Ты военный?

– Какое звание имеешь?

– Ты – гражданин Ларгитаса?

– Ты – военный советник?

– Почему не сдался?

– Почему стрелял в солдат армии Каутли?

– Ты хочешь, чтобы тебя перестали бить?

– Подпишешь отказ от убеждений?

– Подпишешь просьбу о предоставлении тебе политического убежища?

– Ты хочешь, чтобы к тебе пустили врача?

Универсальный «разговорник» каутлей; базовая программа допроса.

VI

Стоя на коленях, консул сражался с утилизатором.

Аппарат не справлялся. Его рвало желтой пеной. Рвота хлестала наружу, безнадежно пачкая одежду консула. Местами, там, куда попали брызги растворителя, ткань сюртука была разъедена до дыр. Но человек упорствовал. Горстями он хватал кристаллы памяти – синие, желтые, черные – и совал в пасть машине. Следом – папки с документами. Древний пластик, кнопки-застежки; страницы, забитые мелким бисером букв. Утилизатор шипел, хрипел; панель управления светилась красным, напоминая спуск в ад. Программа давно перекрыла бы доступ «мусору», если бы консул не заклинил щель загрузки письменным прибором – сувенирным, из литой бронзы.

«Жри! – беззвучно шептал консул. – Жри, сволочь!..»

Маленький, лысый человек походил сейчас на героя из легенды, обреченного до скончания веков кормить ненасытное чудовище.

– Здравствуйте, – тихо сказала Регина.

Консул закричал. Отпрыгнув от утилизатора, он прижался к стене и, вздрагивая всем телом, смотрел на девушку, словно видел призрак с косой, явившийся по его душу. Консул был напуган до той крайней степени, когда всё равно: убивать или быть убитым.

– Вы!.. кто вы такая?! Зачем?..

Он что-то тащил из кармана и никак не мог вытащить: зацепилось.

– Я? Я по вызову...

Регина показала консулу свой уникон, как будто это объясняло всё: и ее приход, и панику консула. Включился звук. «Гражданам Ларгитаса, – сообщила информателла приятным контральто, – находящимся в Непае, предлагается немедленно явиться в консульство Ларгитаса, расположенное по адресу...»

– Кто вы?!

– Регина ван Фрассен.

Девушка помолчала и уточнила на всякий случай:

– Гражданка Ларгитаса.

– Дочь командора ван Фрассена?

Консул внезапно успокоился. В кармане у него раздался треск рвущейся подкладки, и глазам Регины явился маленький парализатор. Смутьясь, консул повертел оружие в руках, хмыкнул с неопределенной интонацией – и спрятал парализатор обратно.

– Прошу меня простить. Нервы... Сами видите: эвакуируемся.

Сделав два шага к девушке, он смешно, как гусь, вытянул шею, и таинственным шепотом уточнил:

– Бежим, да. В Чирим. Обождите в шестом кабинете. Я свяжусь с вами.

Он на грани помешательства, поняла Регина. Пси-блоки давно стали ее второй сутью, но любой здравомыслящий человек, знающий о телепатии лишь понаслышке, не ошибся бы в оценке поведения консула.

– Как вы вошли? – вдруг спросил консул, моргая.

– У вас незаперто.

– Где охрана?

– Вы у меня спрашиваете?

– Да, у вас! Куда делась охрана?!

– Не знаю...

– Мерзавцы, – вздохнул консул. – Дикари. Разбежались.

И вернулся к утилизатору.

Пройдя по коридору, Регина остановилась у двери с цифрой «6». Ниже висела табличка: «Визовый отдел». Мимо девушки, едва не сбив ее с ног, вихрем пронеслась дама средних лет, прижимая к груди новую порцию папок и кожаных «портупей» с кристаллами памяти. «Открыто! – крикнула дама на бегу и добавила: – Николас сейчас придет за вами...»

Все в курсе, подумала Регина. Ну хорошо, все, кроме паникера-консула. Спросите у дамы, на какой ягодице у меня родинка – ответит: «На левой!», не задумавшись ни на минуту. Иногда кажется, что все сплетники Галактики – телепаты. Им никто ничего не рассказывает; они всегда и всё знают.

В кабинете было светло. Огромное, во всю стену, окно открывало взгляду зимний пейзаж. К консульству примыкал крошечный парк: три-четыре аллеек, беседка, скамейки. Снег превращал парк в сказку. Колючие, синие искры плясали на сугробах. Чуть дрожали, ловя ветер, седые лапы елей. На расчищенной аллейке предательски чернела гладкая, отполированная подошвами «скользанка». Бери разгон от кованой, увенчанной пиками ограды, оттолкнись – и лети себе, визжа во всё горло...

...до самого Чирима.

Страха не было. Ни капельки. Напротив, голову кружил веселый, чуточку безумный интерес: что дальше? Регина сбросила шубку на подоконник. Еще один белый, пушистый сугробчик. Чудится, что зима тайком прокралась в дом. Задним числом девушка понимала, что это как вино – после эйфории наступит похмелье – но заглядывать на шаг вперед, предполагать и заранее ужасаться возможным последствиям... Нет, ни за что. В такой дивный день не может случиться ничего скверного.

Минут пять она любовалась парком. Заскучав, присела к столу. Сразу, словно только этого и ждала, включилась рамка связи. Гипер, подумала Регина – и ошиблась. Из рамки на девушку смотрел мужчина лет пятидесяти, седой не по возрасту. Черты лица и светлая кожа выдавали в нем ларгитасца. Армейская рубашка без погон, закатанные до локтей рукава открывают сильные, заросшие жестким волосом предплечья...

– Говорит Фридрих Ромм, советник командующего ПВО Непайского округа, – левую бровь советника трепал нервный тик, противореча и спокойствию лица, и голосу: тихому, усталому. Нос Ромма заострился, как у мертвеца. – Это единственная, оставшаяся у меня в распоряжении линия связи. Прямой канал из лазарета. Докладываю: Ревенский аэродром уничтожен высадившимся десантом противника. 32-я зенитная батарея уничтожена. Командующий, гене-

рал-лейтенант Омьяк, погиб. Заместитель командующего, полковник Рахпак, погиб. Начальником штаба Чуменом принято решение выходить из окружения в направлении Чирима, автономно от 11-й пехотной бригады. Советники Ронфельд и Штаубе, а также военный переводчик Витман с женой идут вместе с отрядом. Я остаюсь.

– Это вы мне? – глупо спросила Регина.

Фридрих Ромм не услышал. Связь была односторонней.

– Моя жена лежит в лазарете, – советник достал серебряный портсигар, закурил, выпустив сизый клуб дыма. – Пневмония. Она не транспортабельна. Свое оружие я отдал Витману. Ему оно нужнее. Мне оставили пистолет. Местное барахло, дрянь. С другой стороны, много ли нам с Луизой надо? Я знаю приказ. И исполню свой долг. Если меня кто-то слышит, прощайте. Конец связи.

Он встал. Рамка, повинувшись автоматике, дала общий план: больничная палата, две койки пустуют, на третьей спит женщина в байковой пижаме. Когда Ромм подошел к женщине, изображение, мигнув, исчезло. Звук остался: хриплое дыхание, шарканье обуви – казалось, советник бродит по палате или, сам не зная, зачем, вытирает обувь о резиновый коврик...

Сухой треск выстрела.

Еще один.

– Ри? Как здорово, что ты здесь...

В дверях стоял Ник: встрепанный, румяный, только что с мороза.

КОНТРАПУНКТ

РЕГИНА ВАН ФРАССЕН ПО ПРОЗВИЩУ ХИМЕРА

(из дневников)

Человек ненавидит свое тело.

Редкие исключения лишь подтверждают правило. Краткий миг, когда силач-культурист доволен кучей мускулов, сменяется долгим спуском с вершины могущества. Год-другой красotka любит себя в зеркале, и вот – морщинки, складки, целлюлит. Что говорить об остальных? Тело требует, гадит, отказывается. Телу холодно, жарко, плохо. Оно устало, оно хочет спать или напротив, не может заснуть до утра. Колет под лопаткой, сломался зуб, шалит печень. Старость грозит пальчиком: эй, берегись! Ох уж это тело, кто тебя придумал...

Хочется совершенства. В смысле, чтоб без тела. Ему ни за какие коврижки не стать совершенным. Значит, пошло вон. Мы как-нибудь сами, без твоих закидонов.

Я иногда думаю, какое же это счастье – тело, постоянно требующее заботы. Потому что не в силах вообразить ничего более страшного, чем жизнь «чистой» личности. Встреча с самим собой в темном переулке, нож блестит во мраке, и нет тела, способного отвлечь, прикрыть, избавить от необходимости сделать шаг и взглянуть в глаза тому, кому не соврешь, даже если очень захочешь.

Кажется, что без тела мы совершенны.

Не обольщайтесь.

Глава вторая

Держаться до последнего

I

– Он застрелился? Покончил с собой, да?

Ник не понимал. Он топтался на пороге, с его сапог натекла целая лужа. Пройти в кабинет Ник боялся: там бушевала Регина. Металась от дверей к окну, от окна – к столу; тыкала пальцем в темную, онемевшую рамку. Что-то спрашивала, путаясь в словах, чего-то требовала... Наконец молодой человек догадался, не раздеваясь, сесть за стол и включить повтор: сеанс связи записывался.

– Говорит Фридрих Ромм, советник командующего...

Глядя на заснеженный парк, Регина ждала. Выстрелы она слышала не ушами – затылком.

– Не ври мне, Ник.

– Я еще ничего не сказал...

– Вот и не ври. Ты обещал.

Это была правда. Два года назад Регина поклялась Нику, что никогда без его разрешения не прочтет самую маленькую, вот такусенькую – с ноготок! – мысль Николаса Зоммерфельда. В ответ Ник дал обещание никогда не врать Регине. Смеясь, он дразнил девушку: «мой детектор лжи». И говорил, что умрет, а не возьмет ее с собой на дипломатический прием.

Правдивый дипломат – профессионально непригоден.

– Да, Ри. Он застрелился.

– А жена? Что он сделал с женой?

Ник молчал.

Регина знала: врать не станет, но и не ответит. Хоть клещами за язык тяни.

– Почему? Почему, Ник?

– Утром связисты распространили шифровку. От советника командующего войсками Непайского военного округа, генерал-майора Шнитке. Там сказано: «Держаться до последнего. В плен живыми не сдаваться...»

– Почему...

– По кочану! – Ник внезапно разозлился. – Их здесь нет, Ри! Нет, и всё!

– Кого – нет?

– Никого!

Он сошел с ума, ясно поняла Регина. Как консул. Мамочки, что же делать...

– Ромма, Ронфельда, Штаубе, твоего отца... Нет, и кончено. Вот ты есть. Туристка-экстремалка. Я есть. Студент-международник на практике. Консул, секретарь, пресс-атташе. Два визовых офицера... А военных нет! Ни одного. Миф, ложь; вражеская пропаганда. Если кто-нибудь из наших военспецов попадет в плен к каутилям – а значит, к помпилианцам! – и его расколют на признание...

Пальцы Ника пробежались по сенсорам, стирая запись. И еще раз, приказывая уничтожить резервные копии и очистить буфер. Советник Ромм, его жена, воспаление легких, нервный тик, «я исполню свой долг» – миф, ложь, пропаганда! – всё кануло в небытие.

– Это международный скандал, Ри!

– Так ведь все знают...

– Знают. Но не имеют доказательств. И закрывают глаза. Думаешь, зачем наши военспецы едут сюда с женами? Во-первых, деньги. Семье выплачивают двойное жалованье – каждому

члену семьи. Плюс премиальные, «секретка», плюс «горячая надбавка»... Большие деньги, Ри. Есть смысл рискнуть. Во-вторых же, и это главное, присутствие жены – отличная маскировка. Военный советник? Кто – военный советник? Нет, ваша честь, я начальник автомастерской. Человек гражданский, безобидный. Работаю по найму, вместе с супругой – учительницей физики в местной школе. Прошу оправдать за полным отсутствием...

– Их что, заставляют брать с собой жен?

– Не заставляют. Поощряют. Подталкивают к верному решению.

– И папа взял бы с собой маму? На Кутху?! – из последних сил Регина боролась с внутренним голосом, подсказывавшим, что капитан-командор ван Фрассен мог отправиться на Кутху еще и из гордости, втайне желая зарабатывать больше жены. Подозревать отца, самого сильного, самого доброго, в такой мальчишеской мелочности было мерзко. – Нет, ты скажи: взял бы?

– Твою маму двойным жалованьем не соблазнишь. Она и так неплохо получает в университете. Герцогиня, плюс гонорары за публикации; учебники, опять же... Но в принципе – почему бы и нет? Здесь было безопасно, до сегодняшнего дня. Кто ж мог предположить...

В парке объявились солдаты. Пять-шесть местных армейцев во главе с высоченным, как дерево, лейтенантом. Дубленые полушубки, шапки-ушанки, винтовки за плечами. У лейтенанта на поясе – кобура. Сбившись в кучку, они о чем-то оживленно совещались. Если судить по жестикеляции, кутхи готовились к драке.

– Свои, – Ник встал рядом с Региной. – Охрана консульства. У них приказ – нас сопровождать. Сейчас дождемся еще кое-кого – и по машинам. Ох, и задаст им консул! Пост бросили, на входе – ни души...

У Регины имелись большие сомнения, что консул в его нынешнем состоянии способен кому-нибудь «задать». Паникер, трусишка. «А ты? – спросила она себя, и честно ответила: – Нет, не боюсь.» Страх по-прежнему бродил в дальних краях. Но и подозрительно веселый интерес к происходящему сгинул. Регина словно застряла в паузе, как зверек – в узкой щели. Рваться на волю не хотелось. Хотелось, чтобы решал кто-то другой, и действовал кто-то другой, дав ей шанс дождаться и освободиться.

Ник обнял ее за плечи. От него пахло лимоном с мятой, и алкоголем. Обычно Ник пил мало, и уж точно не начинал с утра. «Решил согреться? – предположила Регина. – Замерз по дороге, достал фляжку... Или для храбрости?»

– Город каутли, ясное дело, возьмут, – рассуждал молодой человек, чувствуя себя заправским стратегом. – Но не сразу. Завтра, наверное. Ближе к вечеру. Сперва разнесут округу – военный городок, космопорт, ангары, склады, инфраструктуру... Верфи – обязательно. Потом скажут, что бомбили лагеря боевиков, и всё такое. Город им не нужен. Возьмут и через день-другой улетят. Посадят в Непае марионеточное правительство – сепаратисты из ФОК за эту идею ухватятся двумя руками. Ну как же: долой иго узурпаторов, да здравствует свобода! Отделение провинции, карликовое государство с прицелом на расширение, признание его Помпией; «гуманитарная помощь», зона влияния...

– Что это? – спросила Регина.

В кулаке Ник держал смятую бумажку.

– Да ну, ерунда...

Бумага полетела в мусорную корзину.

– Где взял?

– На улице подобрал, – с неохотой ответил Ник.

Правда, отметила Регина. Ник, хороший мой, ты всегда подбираешь ерунду с тротуара? Всегда тащишь ерунду в консульство, да? Высвободившись, она достала бумагу из корзины и развернула. Ник с беспокойством следил за ее действиями. В правом верхнем углу лист украшал медведь, вставший на задние лапы – эмблема Фронта Освобождения Кутхи. Часть текста

была отпечатана на *кут-тху*, и Регина ничего не поняла. К счастью, внизу текст дублировался на унилинге.

«...предъявителю сего, при наличии при нем плененных или самолично убитых офицеров НКФ и ларгитасских военных советников предоставляется право свободного выхода из окружения. За плененных советников выплачивается денежное вознаграждение. Желающим вступить в ряды ФОК, чтобы, не щадя сил, бороться с ларгитасской заразой, предоставляется...»

Окружение, подумала Регина. Скорлупа. И здесь скорлупа – без вариантов.

– Под утро разбросали, – пояснил Ник.

– Зачем?

– На психику давят. Сволочи.

Солдаты в парке заволновались. Лейтенант прикрикнул на них, но и сам, казалось, прислушался к чему-то, происходящему за оградой. Ладонь его легла на кобуру, отстегнула ремешок. Регина наострила уши. Нет, звукоизоляция в здании консульства была идеальной.

Дыхание Ника, и всё.

– Там! – с грохотом распахнулась дверь. Дама, с которой Регина едва не столкнулась в коридоре, приплясывала от возбуждения. – На площади! Николас, ты должен это видеть...

Пол, вдруг сообразила Регина. Пол дрожит.

II

На площади стояла спас-шлюпка.

Должно быть, где-то на ней красовалось название корабля, которому шлюпка принадлежала. «Гарпун», или «Сполох», или что-то в этом роде. Увы, сейчас, после ускоренного спуска через атмосферу, прочесть надпись на черном, обгорелом борту не представлялось возможным. Садясь, шлюпка натворила бед. Памятник Укчичину, Гению Льдов, национальному герою Кутхи, свалился с постамента. Герой лежал на брусчатке: голова – отдельно, копьё – отдельно, правое крыло – грудой зеленой бронзы. Ёклэген, извечный враг Укчичина, небось, плясал в аду, восторгаясь таким непотребством. В двухэтажном здании мэрии вылетели все стекла. Слепо моргая, мэрия взирала на творящееся безобразие. Сквозняк трепал шторы, как щенок – половую тряпку. В черных провалах окон не было ни души. С утра никто не явился на службу. Мэр, чиновники, канцелярия – все отсиживались по домам или спешно выбирались за город, чтобы спрятаться в лесных угодьях. Каждый заранее обзавелся уютным схроном, выстроенным на казенный кошт – и теперь, глотая ядрёный самогон, радовался своей предусмотрительности.

«Хорошо, что шлюпка маленькая, – подумала Регина. – Катер разнес бы всё...»

– Что же это?.. как же это?..

Она не сразу поняла, что блажит консул. Причитания дипломата делались громче по мере того, как из шлюпки выдвигалась спусковая аппарель, достигли апогея в миг, когда открылась дверца кабины – и оборвались на высшей ноте, едва на аппарель ступил пилот.

– Папа!

О многом ли можно подумать, если бежишь меньше минуты? Ветер бьет в лицо. Холодно. Так холодно, что даже жарко. Шубка, накинутая на плечи, слетает, остается позади. Капитан-командор ван Фрассен расстегивает летнюю куртку. Туда, в знакомое тепло, в стук родного сердца, в безопасность – с разбегу, зная, что удержит, не упадет, даже не покачнется и примет всю, как есть. Великий Космос, насколько же лучше чувствовать себя персонажем сопливой мелодрамы, чем героиней крутого «мясного» боевика! – и пусть каждый циник Ойкумены засунет свой грязный язык в рабочее сопло плазматора...

– Всё хорошо, Ри. Всё в порядке.

– Да, да...

– Я за вами...

– Да...

– Вы за нами, офицер? Какое счастье!

Оказывается, консул тоже умеет бегать. Хорошо еще, что он не лезет ван Фрассену под куртку. На троих там места не хватит, но консул, судя по взгляду, не прочь вытолкать Регину вашей.

– Капитан-командор ван Фрассен, к вашим услугам. Мне поручено контр-адмиралом Учындыром возглавить эвакуацию консульства. Господин консул, вы уже связались с нашими согражданами, находящимися в Непае?

– Разумеется! Советники Трауберг и Дансен в гараже, готовят вездеходы к отправлению. Там же советник Лагнар с супругой.

– Это все?

– Это все, кто откликнулись. Полагаю, что остальные намерены пробиваться в Чирим самостоятельно, – голос консула понижается. Теперь это доверительный шепот. – Я очень рад вашему появлению, командор. Вы не представляете, как я рад! Сколько человек берет на борт ваша шлюпка?

Сердце капитана начинает стучать иначе. Регина это ясно слышит. Сейчас это часовой механизм бомбы. Странно, что консул еще не бежит – летит! несется! – прочь, спасая свою шкуру.

– Двоих, господин консул.

– Вы шутите?!

– Максимум двоих, помимо пилота.

– Почему так мало?

– Повреждения при спуске. Меня атаковали при входе в стратосферу. Герметичной осталась только кабина. Там очень тесно.

– Значит, двое? Отлично. В таком случае, мы стартуем немедленно.

– Кто – мы, господин консул?

– Вы, я и ваша дочь.

– Это невозможно.

Консул визжит. Визг длится и длится, превращаясь в страстный монолог. Капитан-командору ван Фрассену грозят трибуналом. Расстрелом. Лишением гражданства. Ссылкой. Распылением на атомы. Жалобой в министерство обороны Ларгитаса. Публичной поркой. Колесованием. Капитан-командора ван Фрассена умоляют. Заклинают. Просят. Уговаривают. На коленях. Заламывая руки. И снова грозят – тюремным заключением, вечным позором, кровной мстью...

– Это невозможно, – повторяет капитан, когда дипломат хрипнет. – Нас собьют при взлете. Или при выходе на орбиту. Вы не представляете, что творится там, наверху. А шлюпка уязвима и маломаневренна. Взлет – это неминуемая смерть. Так доступно, господин консул?

Не отвечая, консул отворачивается и – сгорбленный, несчастный – бредет через площадь. Поземка летит по его следам, замечая отпечатки подошв. Шел человек и нет. Был человек и нет. И не будет никогда. Снег, и только.

– Вот дурак, – говорит Регина.

– Нет, – возражает капитан. – Он не дурак.

– А кто?

Капитан молчит.

III

Вездеходы ждали в гараже. Гусеничный «Бродяга» на пневмо-катках, два внедорожника с маломощными АГ-подвесками и армейский «Орешек». Пулеметная турель на крыше «Орешка», хищно вздернув стволы, как задавака – нос, ясно говорила, что броневик предназначен для конвоя. Солдаты из охраны консульства топтались у дверей, ожидая сигнала к погрузке. На броневик они поглядывали с уважением и опаской, словно на ручного дракона.

Лейтенант задерживался.

Старье, подумала Регина о машинах. Для Ларгитаса – не вчерашний день, и даже не вчерашний век. От Ника она знала, что законы родины запрещают поставку *куруруемым* инопланетникам техники, способной вызвать цивилизационный шок. Особые случаи – в частности, помощь в освоении космоса – оговаривались отдельно, сотнями инструкций и подзаконных актов. Двадцать лет назад венцом дареной технологии для кутхов были допотопные аэросани. «Бродяга» – колоссальный прогресс. А внедорожники – дипломатические, на них закон не распространяется...

– Подполковник Трауберг! – представился рыжий толстяк. Он то ли знал капитана ван Фрассена в лицо, то ли сразу почуял в нем старшего по званию. – Машины к отправлению готовы!

– Майор Дансен! – козырнул второй советник, бледный и злой.

– Инженер-капитан Лагнар!

Рядом с румяным красавцем Лагнаром, боясь дышать, стояла его жена – тихая мышка. Ее обнимала знакомая Регине дама, что-то шепча мышке на ухо. Дальше, вцепившись в чемоданы, как в спасательные круги, сбились в кучку два секретаря и пресс-атташе. От них тянуло страхом – так же резко и неприятно, как от солдат несло вонюю овчины и густым табачным духом.

– Что в чемоданах? – спросил ван Фрассен.

Дипломаты оглохли и онемели.

– Повторяю: что в чемоданах?

– Личные вещи, – наконец буркнул пресс-атташе.

– Почему не в багажных отсеках?

– Там нет места. Мы возьмем багаж в салон...

– Откройте чемодан.

– Вы не имеете права! Это произвол!

– Откройте чемодан.

– У меня дипломатическая неприкосновенность!

– Откройте или останетесь в Непае!

Бормоча проклятия, пресс-атташе щелкнул замком. Крышка откинулась, явив взорам роскошь мехов – белых, золотистых, черных с проседью. Пушнина была напихана в чемодан кое-как, варварскими методами – лишь бы влезло побольше.

– Личные вещи оставить здесь! – тоном, не терпящим возражений, приказал капитан. – В салон не брать ничего, кроме оружия и предметов первой необходимости. По машинам!

И, не обращая внимания на протесты дипломатов, повел Регину к ближайшему внедорожнику. Ник рысцой побежал следом – похоже, он пуще смерти боялся оказаться с Региной в разных машинах. К молодому человеку присоединился подполковник Трауберг. Чета Лагнаров и секретари, оплакивающие багаж, заняли второй внедорожник. Консул с остальными выбрал «Бродягу». Всех задерживали солдаты – конвой не спешил разместиться в «Орешке», поджидая лейтенанта.

К счастью, тот объявился быстро, пулей влетев в гараж.

– Эйну! Эйну мяк!

Черные глаза лейтенанта горели от возбуждения. Шрам на щеке налился кровью: вот-вот брызнет. Ушанку лейтенант где-то потерял; чуб, вырвавшись на свободу, дыбился непокорной волной. Офицер с трудом взял себя в руки, перейдя на ломаную унилингву:

– Началык! Кыч нырга! Имею говорить! Срочно!

Лейтенант вертел головой, как цапля на болоте, выискивая консула. Но консул уже забился в нутро «Бродяги», отгородившись от враждебного мира корпусом вездехода и пышными телесами дамы-соседки. Выгнать его наружу не смогло бы и землетрясение.

– Прекратить панику! – ван Фрассен быстрым шагом направился к лейтенанту. – Что случилось?

– Тыдын? – офицер недоверчиво моргал. – Кто есть таков?

– Капитан-командор ван Фрассен. Руководжу эвакуацией консульства. Айвыхак то?

– Ай, ай! Командор! Чумли зых доклад...

Просияв, лейтенант козырнул и изо всех сил ударил капитана под ложечку. Удар был страшен. Хрипящего ван Фрассена скрутило в три погибели. Хватая ртом воздух, на какое-то время он стал беспомощней младенца: где я? кто я? что со мной делают?! Когда же способность дышать – а главное, соображать – вернулась к капитану, двое солдат держали его мертвой хваткой, и лейтенант расстегивал кобуру.

Ствол пистолета уперся пленнику в ухо.

– Курум! – хрипло рявкнул офицер, свободной рукой тыча в сторону машин. Желтое лицо кутха сияло полной луной. Казалось, он только что выиграл счастливый билет в рай. – Хой, Ларгитас! Бегом сюдой!

Никто не двинулся с места.

– Консул-цу раз! Майрах бунт – бить командор хыр-бахыр...

Вместо ответа взревел двигатель «Бродяги». Приказ консула, обезумевшего от ужаса, самостоятельное решение майора Дансена, севшего за руль вездехода – так или иначе, но гусеничная громада сорвалась с места и, набирая разгон, ринулась вперед, на кучку предателей. Наверное, в этом была простая, военная правда. Выйди ларгитасцы из машин, вступи в бой с охраной – это не спасало жизнь ван Фрассену. Лейтенант пристрелил бы его в первую очередь. А так беглецы имели шанс прорваться из гаража, разменяв жизнь одного на свободу многих.

Пока солдаты не заперли ворота.

Все эти соображения прошли мимо Регины. Она даже не успела толком испугаться за отца – так быстро всё произошло. Рассудок словно кошки изодрали – жалкие клочья событий, разметанные вихрем кошмара. Истошно вопя, брызжут прочь солдаты. Лейтенант всаживает всю обойму в «Бродягу». Пули рикошетят, высекают искры из бронепласта обшивки, из стен. За вездеходом, бодая его в задницу, несутся внедорожники – бок-о-бок, обдирая борта друг дружке. Кто-то кричит, срывая горло; не кто-то, а Регина. Кто-то на ходу распахивает дверцу; не кто-то, а Ник. Кто-то волочится за машиной, вцепившись в подножку; кто-то лезет в салон – жуткий, бешеный, ободранный; не кто-то, а...

– Папа!

– Гони! Трауберг, гони!

...исковерканное тело на полу гаража. Рука вывернута под невыносимым углом. Череп деформирован, глазное яблоко свисло на щеку. Прощай, лейтенант. Билет в рай не подвел: ты уже в пути. Беспомощные хлопки выстрелов – вдогонку. Хорошо, что у них нет лучевиков. Чья это мысль? Неужели моя...

Три машины вылетели в парк. Хрустнув, погибла под гусеницами несчастная беседка. Боком, вырванная из креплений, вознеслась к небу скамейка: «Лечу, сестры! Честное слово, лечу!..» Земля тряслась, с дрожащих елей рушились целые груды снега. С разгону «Бродяга» высадил решетчатые ворота, открывая путь на улицу – и рванул через площадь. Внедорож-

ники не отставали – гончие, преследующие кабана. Мимо опрокинутого памятника, мимо спас-шлюпки, огибая здание мэрии...

– Гони!

...предъявителю сего, при наличии при нем плененных или самолично убитых офицеров НКФ и ларгитасских военных советников предоставляется... за плененных советников выплачивается...

– Папа, у тебя кровь. Ты ранен?

В первый миг Регине почудилось, что она слышит свой голос со стороны.

– Да? – капитан глянул на рукав куртки, испорченный пулей. Наружу торчали клочья белого пуха, перемазанного алым. Картина маслом: охотник подстрелил снежную куропатку. – Ерунда, царапина. Не волнуйся...

Желая успокоить дочь, он стащил куртку, отцепил от пояса АПП и смазал царапину био-гелем. Пуля и впрямь прошла по касательной. В состав геля, вспомнила Регина, входят регенерант и антисептик. На воздухе гель застывает, образуя на ране защитно-заживляющую пленку. Великий Космос, о чем я, дура, думаю...

Работу с аптечкой первой помощи они проходили на спецкурсе.

Мир за окнами слился в мелькание черно-белых пятен. Машина шла не слишком быстро – километров восемьдесят в час. Значит, что-то случилось со зрением. Надо сосредоточиться. Вместо цельной картины взгляд выхватывал отдельные кадры: дом-раскоряка, черный силуэт дерева, дымчатый саркастодон на обочине... Впереди маячила каплевидная туша «Бродяги». Расшвыривая снежную кашу, вездеход рвался прочь из города. Сквозь серо-стальное покрытие ничего нельзя было рассмотреть. Умом Регина понимала: снаружи их внедорожник выглядит так же. Прозрачность корпуса – односторонняя. Но девушка едва удерживала себя, чтобы не затемнить и корпус, и окна «в ноль». Стать крошечной, как мышь, забиться в щель, отгородиться от враждебного мира...

«У меня шок...»

...шаркает ногами советник Ромм. Готовится пристрелить больную жену...

«...срыв компенсаторных реакций организма...»

...лейтенант грозит папе оружием...

«Первая или вторая степень...»

Смотрит, вывернувшись из орбиты, мертвый глаз. «В плен живыми не сдаваться...» Международный скандал. «Я исполню свой долг.» Визжат пули, целуя броню. Вертится в воздухе летучая скамейка. Предъявителю сего...

Регина мысленно вцепилась себе по щеку – и встряхнулась, словно получила ее наяву. Хватит ныть! Папа жив, Ник рядом. Мы прорвемся из окружения. И улетим из этой дыры через три звезды с присвистом, как выражается дедушка Фриц!

– Ты в порядке, Ри?

– Да.

Кажется, поверили.

Шлабаум на выезде из Непая был опущен. От будки им махал кутх в форме, с автоматом за плечом. Вездеход снес хлипкий шлагбаум, не задержавшись ни на миг; караульный шарахнулся в сторону. Выбрался из сугроба, вскинул автомат... Регина ждала выстрелов, но их не было.

Три машины уходили по заснеженному шоссе на Чирим.

Самолеты объявились спустя полчаса.

IV

Серые тени сливались с низкой пеленой облаков. Некоторое время самолеты кружили, сохраняя высоту, потом сорвались в пике, пройдя, как уверилась Регина, над крышами машин. Через внешнюю акустику в салон вторгся дикий вой. Оглушил, заставил вжаться в сиденье – и, хохоча, унесся прочь. Самолеты уже заходили на разворот.

– L-127 «Emissarius», – морщась, сказал ван Фрассен. – Атмосферная поддержка.

– У них бомбы? Ракеты? Плазматоры?

Ник очень старался, чтобы его голос звучал спокойно.

– Это легкие разведчики. Только импульсные пушки и лучевики.

Капитан хотел добавить что-то еще, глянул на дочь и промолчал. «Нам и этого хватит», – услышала Регина в отцовском молчании. Метрах в ста впереди шоссе вспухло грязно-белым гейзером. Пар, кипящие брызги и обломки покрытия взметнулись к небесам.

– Предупреждают. Требуют, чтоб мы остановились.

– Мы остановимся?

– Нет.

Машину тряхнуло. Регина едва не ударилась лицом о переборку. Беглецы шли теперь на предельной скорости, рыская из стороны в сторону, чтобы сбить прицел. Двигуны натужно ревели на форсаже. Шоссе взорвалось снова – целым каскадом гейзеров. Кипящая мгла обрушилась на внедорожник, по корпусу забарабанили обломки. Машина пошла юзом, но Траубергу, бранящемуся так, что одно это должно было сбивать врагов на лету, чудом удалось ее выровнять. Регина вцепилась в поручень, словно это был корень, торчащий из земли, а она сама падала с обрыва в пропасть. Какое-то время машина вслепую ковыляла по искореженному участку. Казалось, безвидная мгла не кончится никогда. Но вот они вырвались из облака – и увидели, как «Бродяга» со вторым внедорожником, сильно опередив их, уходят.

За опрокинутым указателем объявился съезд на проселок.

– Сворачивай! – заорал капитан. – Уйдем лесом!

Регина с сомнением глянула на хилое редколесье, окаймлявшее проселок. На ум пришла лысина престарелого шеголя, с единственной прядью, зачесанной поперек. Дальше деревья росли гуще. Если добраться туда – появится шанс...

Они не успели.

Съехав с шоссе, машина запрыгала на ухабах – и охнула, получив удар незримой кувалды. Пол встал дыбом, потолок ухнул в пропасть. Мир кувыркнулся, увлекая Регину за собой. В мозгу взорвалась шутиха, брызнув искрами из глаз. Грохот, лязг... Тишина. Покой. Можно лежать и ничего не делать. Можно греться в ватном коконе забытья. Даже голова не болит. Запах, правда... Горим, да?

– Ри, ты... Очнись!

Отстаньте. Я еще полежу.

– Ри, вставай!

Не трогайте меня. Ладно?

– Надо выбираться!

Нет, не отстанут... Над девушкой нависла карнавальная маска: страшная, вся в крови, с белыми, лезущими из орбит глазами. Регина отшатнулась, треснулась затылком – и опомнилась.

– Папа! У тебя...

– Нет времени! Машина горит.

Сбоку вывернулся Ник: схватил за плечи, помог сесть.

– Цела?

– Вроде...

Внедорожник лежал на боку. Верный конь издыхал, агонизируя. Цепляясь за подлокотник сиденья, нависшего над головой, Регина поднялась. Перегородку, отделявшую салон от водителя, разнесло вдребезги. Там, в исковерканной кабине, громоздилась куча бурого тряпья. В ней с трудом угадывалось человеческое тело. Подполковник Трауберг прибыл в конечный пункт своего назначения. Регина отвернулась. Она ничего не чувствовала. Замерзла душой и рассудком. Смотреть на мертвеца незачем. Пустая трата времени. Простая, животная логика. Где-то в глубинах подсознания воздвигся не блок – циклопическая стена. Через такую не пробился бы даже самый сильный эмпат.

Заднюю дверь заклинило. Ник со второго удара вышиб ее ногой. Регина мимоходом удивилась – «Почему этого не сделал папа?» – но тут Ник потащил ее наружу. Они спрыгнули в глубокий снег, провалившись по колено. Следом из машины выпал капитан-командор.

– В лес! – взревел он, приподнявшись на руках. – Без разговоров!

Этот рык, словно мощный пинок, погнал молодых людей к лесу. Обернувшись на бегу, Регина увидела: отец ковыляет следом, неуклюже подволакивая левую ногу. Оранжевые языки пламени лизали внедорожник, пробуя машину на вкус. В небо поднимался султан жирного дыма. Добежав до разлапистой сосны, Регина остановилась, переводя дух, под косым пологом ветвей. Отец тоже доковылял до них – и вдруг начал заваливаться набок.

Кинувшись вперед, Ник не дал капитану упасть. Внедорожник взорвался позже, когда с неба вновь обрушился вой пикирующих разведчиков. Навстречу серым ястребам – хищники стремительно неслись на добычу – вспух черно-красный гриб. Безжалостные ладони хлопнули людей по ушам. Ветер подхватил аспидное, с огненными прожилками облако; швырнул на сосну. Упала душная ночь. Угольное небо плакало, роняя редкие капли пламени. В горле першило от гари.

– Лежать! Не шевелиться! – хрипел капитан-командор, и Регина плотнее вжималась в рыхлый снег.

Самолеты улетели. Вдали прогремели взрывы, и всё смолкло. Ветер уносил прочь клочья копоти. Чадили останки машины. Еще один траурный шлейф тянулся со стороны шоссе. Регина не знала: это горит придорожный сухостой – или «Бродяга»? Удалось ли консулу уйти?

Честно говоря, консул интересовал ее в последнюю очередь.

V

Оторванное ухо болталось на тонком лоскуте кожи. Крови натекло много. Она залила половину лица и шею капитана, пропитала рукав крутки – и продолжала сочиться.

– Пап... твоё ухо...

– Знаю.

– Зато я не знаю, получится ли прирастить.

– Режь! – ван Фрассен ободряюще подмигнул дочери. Вышла жуткая гримаса, но ничего лучшего капитан предложить не мог. – Доберемся до госпиталя – новое соорудят. За неделю.

«Если доберемся», – вздрогнула Регина. Она разложила перед собой всё наличное «медицинское оборудование»: нож-универсал, аптечку и два запасных картриджа с лекарствами. «Солдатский коктейль» – антибиотик, анальгетик и тоник-стимулятор – отец вколол себе сам, минутой раньше. Осторожно, чтобы не порезаться, девушка выдвинула лезвие ножа. Керамо-сталь, атомарная заточка. «Папу ножом? – спросил внутренний голос, обладатель такого чувства юмора, что хоть сразу в смирительную рубашку. – Валяй, деточка! Рука не дрогнет?»

– Давай, я сделаю, – предложил Ник, втайне боясь, что Регина согласится.

– Я умею. У нас спецкурс был.

Да, был. Вот только ампутации в полевых условиях их в университете не учили. И это не игра в «древнего доктора» со скальпелем. Регина sprysнула лезвие антисептиком; не дав себе задуматься и испугаться, одним движением отсекала ухо. Тампон; зажать пальцами. Сосчитать да пяти. Биогель. Готово. Край раны набух багровым потоком – и застыл, заключен в лаковую пленку. Регина перевела дух, только сейчас ощутив, как колотится в груди сердце. Аккуратно протерла и убрала лезвие. Растопив снег в зябнущих ладонях, попыталась смыть кровь с папиного лица – без особого успеха.

– Теперь посмотрим, что у тебя с ногой.

– Перелома нет, госпожа военврач!

Нарочитая бодрость капитана не обманула бы и ребенка.

– Обойдусь без ваших комментариев, пациент.

«Псевдокожа» зимнего ботинка – эластомер с утеплителем и термоэлементами – раскрылась четырехлепестковым «цветком». Штанину и шерстяные кальсоны пришлось разрезать. Увы, нога напоминала синюшную колоду. Лодыжка распухла, ступня вывернута. Вывих? Растяжение? Проклятье! Она не хирург, а пси-анестезиолог...

– Ник, возьми нож и вырежь две прямые палки. И найди, чем примотать.

Пока Ник, увязая в снегу, возился в зарослях, она пыталась вправить ступню. Нога была горячая и влажная, пальцы скользили. Регина крепче ухватила ступню, повернула, стараясь вернуть в нормальное положение. Под пальцами хрустнуло; девушка с трудом подавила собственный крик. Отец не издал не звука. Лишь содрогнулся всем телом, как от электроразряда. Лицо ван Фрассена блестело от пота.

– Всё, папа, всё! Порядок.

Ах, если бы она была в этом уверена! К горлу подступил комок.

– Сейчас мы соорудим шину...

Приложив к опухоли инъектор АПП, Регина набрала на панели код. Согласно инструкции, сосчитала до десяти – и ввела регенерант с анестетиком.

– Ты у меня золото, Ри. Что б я без тебя делал?

– Командуй, пап. Что дальше?

– Уходим. Тут оставаться нельзя.

– Куда?

– В лес. Доберемся до какого-нибудь жилища...

Вернулся Ник, неся палки: не две, а три. Третья была длинной и толстой. Сверху у нее торчала косо срезанная рогулька.

– Вам понадобится костыль...

– Спасибо.

Сбегав к останкам машины, молодой человек добыл жгут обгорелых проводов, и еще рукав Трауберга, отрезанный от куртки покойника. К счастью, рукав оказался весьма объемист. Натянув его на ногу отца – чтобы не мерз! – Регина зафиксировала голеностоп самодельной шиной. Обструганные палки с третьей попытки удалось крепко-накрепко стянуть обрывками проводов. Опершись на костыль и плечо Ника, капитан с усилием поднялся.

– Годится, – он скрипнул зубами. – Дойдем.

Поначалу Ник не мог приноровиться. Они с капитаном по очереди оступались, едва не падая, как разучившийся ходить двухголовый зверь. На проселке дело пошло лучше. Накачанный стимуляторами, ван Фрассен бодрился, браво вбивая костыль в мерзлую землю. Останки машины скрылись за поворотом. Под сводами леса царил торжественная тишина – как в соборе. Лишь снег поскрипывал под ногами. Регине некстати вспомнился храм Святого Выбора. Ветер стих, деревья стояли, не шелхнувшись. С неба начали опускаться мохнатые белые мухи.

– Это хорошо, – пробормотал капитан. – Это кстати...

Снег был девственно-чист. Ни зверь, ни человек давно не тревожили скрипучую целину. Монотонный скрип шагов и однообразие пейзажа действовали гипнотически. На девушку накатило странное отупение. Она шагала, как автомат; невидящий взгляд слепым лучом прожектора шарил по окрестностям, ни на чем не задерживаясь. Казалось, дороге не будет конца, и они будут брести вечно – измученные паломники, без надежды, без цели. Никто их не найдет, никого они не найдут...

Первые следы она увидела через пару часов.

Цепочка отпечатков – чуть меньше Регининой ладони. Четыре продолговатые лунки от пальцев с когтями, «пятка»... След был свежий: его не успело занести. Волк? След одиночный, значит, опасности нет... На всякий случай Регина огляделась. Много ли она смыслит в волках? А в опасности? Мужчины тоже остановились. Капитан потянулся к кобуре: проверить, легко ли извлекается лучевик. Ник захлопал себя по карманам и в сердцах плюнул.

– Парализатор!

– Что – парализатор?

– Обронил... в машине...

«Смогла бы я захватить контроль над зверем? – нервно думала Регина, продолжив путь. – Как местные? Гуйс рассказывал: такое, в принципе, возможно. Но есть ряд нюансов... Жаль, не сказал: каких именно. А я, дуреха, не догадалась спросить...» Справа, шагах в десяти, снег шевельнулся, пошел волнами. Казалось, под ним движется большой гибкий шланг. Вот шланг набух, скрутился петлей, обещая вырваться на свободу, хлестнуть беглецов тугой струей – и, передумав, ушел на глубину.

Регина чуть не обмочилась от страха.

– Снежный удав, – просветил ее Ник. – Не бойся.

– Удав?

– Они на людей не нападают...

Полсотни километров от города – и всё. Ау, цивилизация! Молчит, не отвечает. Мир-дикарь; мир-чужак. Теплокровные змеи, волки... Кто еще? Саркастодоны? Такая зверюга сожрет, и не подавится. Хищно скалясь, подкрался вечер. Воздух наполнился илистой мутью. Кусты на обочине еще были видны, но дальше всё сливалось в неприятный кисель. Скоро ночь. А жилья не видать. Откуда здесь жилье? Глушь, дичь. И папа еле идет, навалившись на Ника; морщится при каждом шаге...

Комариный зуд возник на периферии сознания. Вибрация тончайшей «лески», протянутой к отцу. Прошляпила, дуреха! Действие обезболивающего закончилось. Так, анестезируем контактным путем. Кора головного мозга. Вторая сенсор-зона. Легкая «щекотка» – иначе не активировать нейроны алетиноциентивной системы. Продолговатый и средний мозг. Гипоталамус и лимбическая система – чтоб наверняка. Пошли эндогенные опиоиды – энкефалинчики и эндорфинчиками, как шутит их кураторша, виконтесса Зингер.

Сейчас, папа. Еще чуть-чуть...

– Ри, твоя работа?

– Пап, я никуда не лазила! Я только...

– Спасибо.

В серой мгле они не сразу заметили просвет впереди. Пни, укрытые снежными шапками, походили на ряды надгробий. Сбрось снег – увидишь годовые кольца, даты жизни и смерти. Проселок упирался в вырубку – кладбище леса; дальше дороги не было.

– Тут какая-то тропа...

Ноги вязнут в снегу. Усталость давит на плечи, гнет к земле. Сесть бы под дерево, привалиться спиной к шершавому стволу; закрыть глаза... Споткнувшись, Регина ухнула в сугроб. Даже руки выставить не успела. Лицо обожгло морозными иголками, гоня прочь сонную одурь.

– Ри!

– Всё... в порядке...

Она с трудом поднялась. Отерла ладонями снег с лица. Моргнула раз, другой. Нет, ей не мерещится. Вдали, меж деревьями, теплился желтый огонек.

– Папа!

– Вижу. Мы не знаем, кто там...

– Сейчас узнаем!

Девушка потянулась вперед, разворачивая «сигнальную сеть». Далеко, на краю восприятия, что-то слабо шевельнулось. Сколько человек? Как настроены? Не разобрать. Надо подойти ближе... Беглецы двинулись на свет. «Кто мы? – гадала Регина, затаив дыхание. – Корабли древних, плывущие на сигнал маяка? Бабочки, летящие на гибельный огонь лампы?» Тропа пошла под уклон. Ник героически старался не упасть: покатайся они с капитаном вниз, и кто знает, не свернули бы оба шеи. К счастью, спускаться довелось недолго. Впереди, загородив путь, объявился частокол. Заостренные сверху бревна, плотно пригнанные друг к другу, были под углом вбиты в землю. Окажись на бревнах насажены человеческие головы, Регина, пожалуй, не удивилась бы. Где тут вход? Ворота, или хотя бы калитка...

Хриплый, басовитый лай. Грубый, кажется, женский голос:

– Чар судын! Ыкмыз?

Капитан потянулся к кобуре. И замер, когда в ствол огромной ели, у самой головы ван Фрассена, с чмоканьем вонзилась стрела.

VI

– Я Седьмой. Расстрелял боекомплект.

– Седьмой, уходите!

– ...иду на таран.

– Садитесь на планету!

– ...на таран...

Контр-адмирал Учындыр вел бой грамотно. Не его вина, что сражение было проиграно изначально. Сорок два корабля против семи: убийственная арифметика. Седьмой замолчал. В тактической сфере маленький зеленый истребитель шел на сближение с вражеским штурмовиком. Штурмовик озарился вспышкой залпа. Миг спустя огненная птица врезалась в его борт, проломив термосиловую броню.

На истребителях класса «Шершень» нет спас-капсул.

От патрульной эскадры неполного состава, вышедшей на плановые орбитальные маневры, осталось три боевых единицы: флагман-фрегат «Гарпун», последний из истребителей и разведиллюп «Зоркий». Потеряв две трети хода, «Зоркий» отходил на нижнюю орбиту, выставляя помехи во всех диапазонах. «Гарпун» прикрывал отход.

«Продолжать бой не имеет смысла. Каутлийцы высаживаются на Кутху. Мы не в силах им помешать. Прорваться на форсаже в пояс астероидов? Переждать...»

– Верхняя полусфера: две цели. Азимуты 46–15 и 37–11.

– Есть цели.

– Плазматорам – огонь. Упреждение три.

– Нижняя полусфера: ракетная атака. Шесть единиц.

– Отстрелить эмитор псевдо-массы.

– Есть отстрел.

– Лучевой батарее – заградительный огонь.

– Ресурс кварковых накопителей – 22 процента...

– Огонь!

Корабли противника перегруппировывались. «Сфера Кассия», классический маневр ВКС Помпилии. Учителям повезло с учениками: каутильцы были рождены для битв. Сюда бы не патруль кутхов, а 3-ю Локанскую эскадру, да не сегодняшнюю, а ту, которой командовал бешеный контр-адмирал Рейнеке-Кровопийца, да на острие контратаки – «Громобой», и чтоб в командной рубке дрожал от боевой ярости Теодор ван Фрассен, не военный советник, знающий цену большой политике, но лихой и молодой, а главное, ослепительно наивный капитан-лейтенант...

– Нам отрезают пути к отходу.

От золотистого силуэта «Зоркого» отделился рой блестящих точек. Экипаж катапультировался. Оставалось молиться, чтобы им повезло.

– Четвертому: разворот на азимут 05–17. Идем на прорыв. Капитан-командор ван Фрассен! Приказываю покинуть фрегат на спасательной шлюпке. Ваша задача: организовать эвакуацию ларгитасского консульства в Ненае.

– Слушаюсь!

– Удачи, капитан.

– Для меня было честью служить с вами, господин адмирал.

В себя капитан пришел от вони. Ядреный букет бил наотмашь – травы, грибы, человеческий пот, деготь, горелый жир... В носу отчаянно свербело. Капитан не выдержал, чихнул – и глаза открылись сами собой. Интерьер привел ван Фрассена в изумление. Сперва он решил, что угодил в гигантскую корзину с крышкой. Потолок, плетеный из жердей и прутьев – такое он видел впервые. С жердей свисали гирлянды кореньев и вяленой рыбы, вязанки клубней зловещего вида – темно-синих, с пятнами багровой «сыпи». Более всего клубни напоминали созревшие фурункулы. Стены были сложены из грубо ошкуренных бревен, пазы «защпаклеваны» мхом-бородачом. Укрепленная на высокой подставке, чадила площадка с жиром.

Окон не наблюдалось.

Горница – или как она у местных называется? – походила на тюремный барак. В лагерях на задворках Ойкумены часто встречаются такие – только без съестных припасов и более грязные.

Гул голосов, бубнящих где-то на периферии восприятия, смолк. Над капитаном гроздью лун всплыли лица. Знакомые – Регина с Ником. И чужие – две бабищи-туземки. Землистая желтизна кожи; носы-пуговицы, глаза-щелочки. В сальные, отроду не мытые косы вплетены украшения – мелкие белые косточки и цветные лоскутки. На лбу и щеках – симметричные борозды шрамов. Близнецы? Вряд ли. Для ларгитасцев все кутхи – на одно лицо. Как и «звездные погонщики» – для кутхов.

– Папа! Ты как?

– Нормально...

Ответил – и лишь потом прислушался к себе. Ногу дергало, оторванное ухо чесалось и время от времени «стреляло» фантомной болью. Но в целом, как ни странно, правда. Нормально. Могло быть хуже. Он смутно помнил, как им отворили – не ворота, даже не калитку, а узкую щель в частоколе; как, протискиваясь, он оступился и упал. Ухнул, сходя с ума, в недавнее прошлое; в открытый, пылающий космос. Приказы адмирала, координатная сетка такт-сферы; рой спас-капсул уходит к планете, исчезает во мраке борт «Гарпуна»... разряд импульсной пушки ощущается, как удар – всем телом; болтанка на входе в атмосферу: «Врешь, сядешь!..» Сквозь бред – смутными тенями – заснеженный двор. Лай собак, скрип ступеней под ногами. Его ведут, поддерживая с двух сторон; волной накатывает блаженное тепло...

– Сагмыр хум? Чугда?

– Мы не можем с ними объясниться, – смущаясь, как маленький, развел руками Ник. – Они от нас чего-то хотят. Бубнят и бубнят...

- Ты же дипломат. Гипнокурс, подготовка...
- Я учил *кут-тху*. А они... Я не знаю этот диалект! Только отдельные слова...
- Помоги мне сесть.

Бабы загомонили, когда Ник с Региной сунулись к капитану. Молодые люди проигнорировали их гвалт. Ван Фрассен прислонился спиной к теплым бревнам и как бы невзначай проверил кобуру. Лучевик был на месте. Значит, не пленники. Уже легче. А что хозяйева хотят за свое гостеприимство – выясним. Он повертел головой, изучая обстановку. Печь, сложенная из серых, тесаных камней, дышала жаром. Рядом с печью под потолком шли широкие полати. Наверху – теплее. Разумно. У стены напротив выстроились в ряд кособокие сундуки. В углу на корточках сидела еще одна кутха – моложе, стройнее, без шрамов на лице. В происходящее она не вмешивалась; молча наблюдала с легким интересом идиота. Никудышный физиогномист, капитан тем не менее уверился, что женщина чего-то ждет.

«Где мужчины? На охоте?»

– Нам бы поесть и переночевать. Мы заплатим, – судя по усталому тону, Ник повторял это в сотый раз. – Узам быхыр хош. Узам быхыр шур-гы. Ю-патака. Фарзад?

Женщины лыбились – лучшего слова не подобрать – на Ника, морща низкие лбы. «Узам быхыр», похоже, был им понятен не больше, чем «тензорный анализ». Отчаявшись, юный дипломат показал жестами: есть, спать. Мы. Тут, у вас. Фарзад? Или не фарзад? Готовность оплатить услуги он изобразить затруднился. Купюры, извлеченные из внутреннего кармана, впечатления на баб не произвели. Похоже, в здешних туристических компаниях деньги были не в ходу. Тем не менее, жесты сработали. Хозяйки, как по команде, сплели пальцы рук в «замок», что на Кутхе, если верить туристическим «толмачам», означало согласие. И в ответ изобразили: есть, спать – очень похоже на то, как это делал Ник. Закончив пантомиму, одна из баб двумя пальцами взяла Ника за нос и слегка подергала. Из ноздрей потекло, и баба, ничуть не смущаясь, утерла Нику нос – опять же пальцами. Ту же операцию она повторила с молодой, сидевшей в углу. Гнилые зубы обеих обнажились в ухмылке, после чего баба оглушительно – словно гранату взорвала – хлопнула в ладоши.

– Ын’аш, – сообщила она густым басом. – Хуг ын’аш.

– Чего ын’аш? – опешил Ник.

– Не догадываешься?

– Нет... Вы их поняли?

– Вполне, – покосившись на дочь, ван Фрассен быстро отвел взгляд. В целом, он доверял Регине, ее выдержке и хладнокровию. Но в сложившейся ситуации нельзя было доверять никому. Если дочь сорвется, если женское начало победит, затмив ревностью холодные доводы разума, у лагритасцев возникнут большие проблемы. – По-моему, у них проблема с мужчинами.

– И они?..

– Да! – не сдержавшись, рявкнул капитан. – Они хотят, чтобы ты сделал ей ребенка!

– Что вы такое говорите! Вы ошиблись!

Капитан молчал.

– Я...

Ник беспомощно смотрел на Регину, ища поддержки. «Я не предаю тебя, – читалось в его глазах. – Верь мне, Ри! Это недоразумение... сейчас всё выяснится...»

Бабам надоело ждать. Старшие хором гаркнули на молодуху, и та с живостью поднялась. Одним движением спустила мешковатые штаны из кожи, оголив крепкие ноги. Нимало не стесняясь, задрала меховую кацавейку, обнажив низ живота и черный треугольник волос между бедрами. В горнице остро запахло самкой. Чуть расставив ноги, молодуха указала на Ника, облизала большой палец и, присев на корточки, сунула палец себе в промежность.

«Сообразил, красивый? – читалось на ее лице. – Тебе понравится...»

– Нет, я не могу! – Ник, раскрасневшийся от жары, сделался пунцовым, как гранат. – Вот моя девушка... Невеста! Сумартай! Ри, ну скажи им... *Покажи!* Ты же умеешь...

Он пятился от молодухи, словно та была людоедкой.

– Сделай то, чего они требуют. Иначе нас выгонят.

Голос Регины превратил Николааса Зоммерфельда в камень.

– Ри, опомнись! – всегда послушный, как пес, сейчас парень восстал. Щеки его пылали, губы тряслись. Казалось, он вот-вот разрыдается. – Это варварство! Дикость! В конце концов, это негигиенично...

– Потерпишь.

– Я дипломатический представитель Ларгитаса! Я не имею права...

– Хочешь ночевать в лесу?

– Нет... там холодно...

– Значит, дипломатический представитель? Вот и займись; представь родину в лучшем виде. Считай, это зачет.

– Зачет?

– Не сдашь – вылетишь на мороз. И мы с тобой за компанию.

Ван Фрассен видел, чего стоит дочери ровный, язвительный тон. Удержаться, не дать слабину; не броситься к парню – мой, не отдам! «Совсем взрослая, – он до хруста сжал зубы. – Анна-Мария, что бы ты сделала на ее месте? Переступила бы через себя?»

– Ты уверена?

– Иди, Ник.

– Но я этого не хотел!

– Я знаю.

– Ты должна понять...

– Да иди же, кретин!

Ник обиделся – яростно, до слез, даже не успев сообразить, что именно этого Регина и добивалась. Резким движением он обернулся к бабам, сцепил пальцы в «замок» – знак согласия отдавал похабщиной – и на деревянных ногах двинулся к молодухе. Та скалилась в улыбке. «Я спасаю нас, – убеждал себя Ник. – Это не считается...» В паху возникло знакомое томление. «Великий Космос, как стыдно! Я что, и вправду хочу ее? Грязную дикарку? Почти животное?! Неужели мы займемся этим прямо здесь?! Регина будет смотреть, и ее отец...»

Словно прочтя его мысли, молодуха отодвинулась к стене и потянула на себя низенькую – метр высотой – дверку, которую Ник раньше не заметил. Открылся темный лаз. В темноте и тесноте лаза крылся некий символ, древний, как мир. Ник содрогнулся, больше всего на свете боясь, что прямо сейчас лопнет от дикого, противоестественного вожделения.

– Йохыдыр кой, – подбодрили его сзади. – Йук, йук!

Бабы захохотали, радуясь. Молодуха встала на карачки, отклячив толстый зад, и полезла в темноту. Нику ничего не оставалось, как последовать за ней – тем же унижительным способом. Сердце кузнечным молотом бухало в груди. С трудом, извернувшись, он прикрыл дверку и перестал что-либо видеть. Тьма. Материнская утроба. Космос, где звезды еще не родились. Мохнатые шкуры ерзают под руками. Пряный аромат трав. Острый, звериный запах разгоряченного женского тела. Его схватили, повалили на спину, принялись деловито снимать одежду. Цепкие, бесстыжие руки насильницы; пальцы как клещи, ладони сплошь в мозолях... «Я сам,» – хотел сказать Ник, но вместо этого, задыхаясь, обнял молодуху – крепко, до хруста костей. «Сейчас взорвусь,» – была его последняя разумная мысль. Хрипя от вожделения, парень зарычал и, собрав все силы, подмял самку под себя...

Кажется, он кричал.

КОНТРАПУНКТ

РЕГИНА ВАН ФРАССЕН ПО ПРОЗВИЩУ ХИМЕРА

(из дневников)

Вот, нашла в сборнике «Сирень» Вениамина Золотого:
Я знаю, что время – змея с изумрудом во рту,
Я слышал, что люди сгорают, шагнув за черту
Я видел ослепший огонь и прозревшую темноту,
И птиц, обездвиженных на лету.
О, что мне еще осталось?

Я встретил двух карликов, знавших большую любовь,
Я встретил младенцев, бессмысленно рвущихся в бой,
Я встретил пророка – он был и немой, и рябой,
И с заячьей, робкой губой.
Последней я встретил усталость.

Она мне сказала: «Я больше, увы, не могу.
Всегда на лету, на скаку, на бегу, на кругу,
В надежде хоть раз отдохнуть на морском берегу,
Да хоть на кровавом снегу —
И где эта дура-надежда?»

Иногда, вернувшись с работы, уже лежа в постели, я вспоминаю эту фразу: «последней я встретил усталость...» – и думаю, почему же она последняя. То ли поэт ошибся, то ли я чего-то не знаю...

Глава третья Долг превыше всего

I

– Шульдум, – требовательно велела бабища.

Не дождавшись ответа, толстый палец кутхи указал на сережки в ушах Регины.

– Бар, бар!

Миниатюрные розочки из платины. В сердцевине – веселый блеск изумрудов. Сережки подарил ей Ник, на двадцатилетие.

– Бар, бар!

Кутха со значением кивнула на дверцу, за которой скрылись «молодожены». Не мне, мол – ей. Ну вот, огорчилась Регина. Жениха забрали, теперь еще и свадебное подношение им давай! Сережек было жалко до слез. За стеной шумно возились: сопели в две глотки, взрыкивали. Стена сотрясалась; кажется, в бревна лупили пятками. Животные! А врал-то: «Не могу...» Приложить бы наглуую бабу по мозгам! Чтоб забилась в угол, икая от страха. Шарахнуть болевым через тройничный нерв...

Вздвогнув, кутха отступила на шаг. Пригнулась, готовая отпрыгнуть в любой миг – хотя это не спасло бы ее от ментальной атаки. Глазки бабы сузились еще больше, хотя это казалось невозможным. Почуяла? Регина вспомнила, как у местных принято соглашаться, и сплела пальцы в «замок». С детства, мол, мечтала поделиться. Рада и счастлива. Мир?

– Ык бар, – каркнула подозрительная кутха, топчась на месте.

Ее сестра-близнец пятилась к двери.

– Папа, – Регина медленно, чтобы не спугнуть кутху, вынула сережки из ушей и улыбнулась бабище, вручая той вожденное украшение, – если у тебя лучевик потребуют... Сожги ей палец. Иначе не дойдет.

– Всё нормально, Ри. Они дают, мы – платим. Честный обмен.

– Надеюсь, – буркнула девушка. – Может, ты тоже хочешь?

– Чего?

– Сходить за стеночку. Тут любая готова, с офицером-то...

Отец промолчал, опустив голову. Видеть его – виноватого, бессильного помочь дочери в ситуации, невозможной на цивилизованных, добропорядочных мирах Ойкумены, – было невыносимо. В то же время странное удовлетворение всплывало левиафаном из глубинных вод души. Обижать отца – сильнее! наотмашь! – значило мстить всем мужчинам, грязным, похотливым свиньям, готовым на любую мерзость ради куска хлеба и крыши над головой. «Что со мной происходит?! – запоздало испугалась Регина. – Я ведь сама послала Ника к молодежи...» Она проваливалась. Весь сегодняшний бесконечный день скользила по ледяной горке вниз, в первозданный мрак, наконец осознав это. Еще вчера жизнь была прекрасна, а главное, понятна. Ник, папа, каникулы; снег, экзотика, «цепные» звери... И вдруг – война. Подлец-консул. Дипломаты с чемоданами пушнины. Приговор Фридриха Ромма: «Я исполню свой долг». Предатели-охранники. Выстрелы, кровь; машина в кювете. Мир встает на дыбы, кувыркается в пропасть...

За что бы ухватиться?

Скорлупа будней пошла трещинами и осыпалась хрупкими осколками, стоило кораблям Каутли атаковать Кутху. Бремя цивилизованного человека? Идеалы? Честь? Долг? Труха, ложь, возня за стеной. Застрелить собственную жену и покончить с собой – это долг?! Неужели нельзя иначе? Вот мы с папой и Ником – не предавали, не убивали... Ну да, конечно. Мы

просто бежали, спасая свою шкуру. Инстинкт самосохранения; знаменитый на всю Ойкумену идеал. Пятьдесят километров от Непая; двадцать минут на аэромобиле, пять – на всестихийнике. Другой мир; другая геологическая эпоха. Сотни, тысячи лет разницы. Молчит черно-белый лес. Волнуется снежный саван, колеблемый тварями-невидимками.

Цепочка следов, далекий вой. Люди, где вы?

Ау!

Если война ужасна, но объяснима, если лес – чужд, но природен, то здесь, за частоколом – иное, непредставимое. Бабы в шкурах, первобытный уклад. Сделай ребенка – получишь еду. Вот ты какая, Кутха. Выстроенные ларгитасцами города – дома, отели, консульства – жалкие пятнышки инородной плесени на твоём теле, чужая планета. За их пределами – лес и частоколы. Выглянет баба из-за ограды: летит по небу визжащая хрень? – пусть летит.

Кого это волнует?

Наверное, их реальность по-своему разумна и рациональна. Иначе не выжить. Но от местной «рациональности» к горлу подкатывал спазм. «Цивилизационный шок», – говорил герцог Оливейра, рассказывая о высадке на Тетрафиму посланцев Лиги. Шок – клинок обоюдоострый. Много ли нужно, чтобы налет цивилизации слетел с нас, детей прогресса, как «шелуха» у телепата! «Папа, сожги ей палец...» Рычит в берлоге Ник. Две бабищи, закатав папе уцелевшую штанину, врачуют ноги – и пострадавшую, и здоровую. Снадобье воняет до умопомрачения. Действия баб омерзительно похожи на ласки. Папа морщится, но терпит. Неужели его это возбуждает? – похоже, что да. Темная, вонючая, животная страсть имеет свои законы...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.